

Королева бобров. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://prishvinmihail.ru/> Приятного чтения!

Королева бобров. Михаил Михайлович Пришвин

«ЗОЛОТЫЕ РОССЫПИ»

Для французского населения, среди которого у всех на глазах разыгралась драма с бобрами, было вовсе непонятно отношение индейцев к природе, их самоотверженная любовь к двум маленьким животным. Они смотрели на индейцев как на диво, как на остатки язычества. И Серая Сова, которому не раз приходилось выслушивать замечания в этом роде, соглашался возможно, что да, что все его благоговение к дикой природе является остатком язычества. Но что же из этого? Чем плохо такое чувство, если оно, развиваясь все сильнее и сильнее, приводит человека к необходимости деятельности, гораздо более благодотворной, чем та, которой он занимался раньше. Вот исчезли те два маленьких существа, и он теперь хочет возместить потерю, чтобы они жили в сердцах множества людей и образы двух милых существ побуждали бы всех, кто может, охранять Бобровый Народ.

Старая шрапнельная рана, оставленная без призора за этот тяжелый месяц поисков маленьких друзей, открылась и вывела Серую Сову из строя. Давид Белый Камень, узнав о трудном положении своих друзей, бросил свою новую службу, пришел помогать. Ему что-то пришло в голову, и он с какою-то мыслью сидит и глядит теперь на остатки бочонка на берегу озера. Он покачал головой и улыбнулся Анахарео такой улыбкой, какой у него почти никогда не бывало.

– Знаешь, – говорит он, – я тоже вроде как бы захотел видеть бобров возле себя.

Оказалось, что где-то, за двадцать пять миль отсюда, среди холмов Сахарная Голова, есть бобры он это узнал и хочет идти туда за ними, чтобы опять тут, возле людей, жили бобры. Услышав это, Анахарео тоже хочет идти – помогать Давиду. Они скоро собираются и уходят Бобры действительно нашлись возле Сахарной Головы, в хатке их было четыре, но старик взял только пару – из-за того, что бобровой матери было бы тяжело перенести плен, она бы погибла.

Анахарео всю дорогу несла их на спине в мешке, и они прибыли расстроенные, полуголодные – два комочка, которые можно бы спрятать в полулитровой банке, и весом каждый не больше ста граммов. Они были очень хрупкие, жизнь еле-еле теплилась в их крошечных тельцах.

Давид остался еще на две недели, чтобы помочь поставить бобрят на ноги. Но как ни старались, маленький самец, названный Сахарной Головой, не выдержал и погиб. Самочка была тоже близка к этому не ела ни хлеба, ни сгущенного молока и лежала, положив голову на угол ящика. Хотя для населения, как сказано выше, непонятна была привязанность индейцев к животным и вообще их отношение к природе, но населению это все нравилось, оно сочувствовало и старалось помочь индейцам всеми средствами. Со всех сторон в отношении больного маленького бобренка столько давалось советов, что будь он человеком, то никак не мог бы получить большего внимания. Одна женщина предложила снабжать молоком, два врача, – а их и было в городе всего два, – пришли на помощь. По их совету, стали коровье молоко очень сильно разводить, чтобы приблизить состав его к бобровому. Ухаживала за бобренком одна пожилая ирландка. Каждые два часа происходило кормление при помощи стеклянной спринцовки.

Двое почтенных супругов решили довести это дело до конца один из них держал бобра, другой выдавливал молоко. После третьего или четвертого впрыскивания бобренок стал крепнуть. А через два дня был здоров совершенно и стал проявлять признаки той смелости и независимости, благодаря которым сделался потом одним из самых известных диких животных Северной Америки.

Да, пожалуй, это несколько мрачное начало можно считать первым выступлением в обществе ныне знаменитой Джелли Ролл, звезды экрана, любимицы общества номер первый, королевы Бобровой Колонии.

Да, Джелли Ролл – ведь это персона, о которой говорили даже на заседании правительства Оттавы!

После выздоровления Джелли Ролл лагерь был перенесен на Большую Темискаату, к устью того самого ручья, по которому в последний раз уплыли Мак-Джиннис и

Королева бобров. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
Мак-Джинти. Надежда на их возвращение до конца все-таки еще не покидала индейцев, и им казалось, что если они когда-нибудь вернуться, то скорее всего сюда. Тут, в тихой заводи возле ручья, Джелли Ролл забавлялась, рыла на отмелях пещерки, сооружала забавные постройки из палок или же просто носилась галопом вверх и вниз по дорожке к палатке. Она быстро росла и, как только значительно окрепла, начала таскать журналы, овощи, дрова и все, что только могло привлечь ее капризное внимание. Из всех ее поступков мало-помалу стала обрисовываться крупная индивидуальность, подготовленная к встрече со всевозможными превратностями жизни. В палатке жить она вовсе не захотела, а предпочитала одно из четырех или пяти выстроенных ею самую жилищ там внизу, на прудке.

Если не считать привязанности к человеку, которая у нее проявлялась стихийно, бурными припадками, то она ни в чем не была похожа на своих предшественников. Она рано потеряла своего товарища, и оттого эта утрата прошла для нее незаметно. Для Мак-Джинтиса и Мак-Джинти характерна была их зависимость от людей Джелли Ролл, напротив, считала людей и их имущество своей собственной, естественной средой.

Преданность индейцев животным, их великое чувство природы, видимо, производили все более и более сильное впечатление на жителей города, симпатии их к лесным жителям возрастали, и, наконец, несмотря на разницу в религии, языке, цвете кожи, их дружески признали гражданами города. По праздникам целые партии народа приплывали к «индейскому» берегу, устраивались пикники в тени березовой рощи Джелли всегда внимательно осматривала каждого члена этих компаний – прием знакомства, сохраненный ею и до сих пор. Изучив гостей, она никогда не выражала кому-нибудь из них особенного предпочтения, с таким презрительным видом она убегала после осмотра, что все покатывались со смеху, а кто-нибудь, может, и чувствовал облегчение. Среди этих гостей иногда бывали и очень почтенные люди, так, был один языковед, проницательный знаток человеческой природы, – тот прямо заинтересовался жизнью Серой Сова, изучал ее с большим вниманием и чрезвычайно благожелательно.

Первое время Серая Сова и Анахарео несколько стеснялись гостей, но их тактичное и внимательное отношение скоро победило все неловкости. Никто, кроме французов, не мог ладить с индейцами начиная с первых французских поселенцев, это повелось и сохранилось до сих пор. Только у французов краснокожий не чувствовал себя существом, которое должно быть стерто с лица земли. И до сих пор врожденная вежливость, инстинктивное уважение к чувствам других сохранялись в самой атмосфере этого городка Кобано. Мальчики вежливо снимали шапки перед людьми, одетыми в олени куртки. Маленькие девочки, застенчиво краснея, кланялись женщине побежденной расы. Женщины улыбались и приветствовали, мужчины останавливались и дружески разговаривали. Приходилось во время нечастых посещений города индейцам возвращаться и с какой-нибудь ношей, – в таких случаях люди сходили с тротуара и уступали дорогу. И это ни в каком случае не было тем фальшивым, напускным лоском вежливости, имеющей в конце концов корыстное происхождение. Случались, например, в городе пожары, тогда тушить пожар, помогать пострадавшим бросались все. Если же кто-нибудь из граждан умирал, то на время движения погребальной процессии останавливалось всякое движение в городе, лавочки выходили на улицу с обнаженными головами в знак уважения; жизненная репутация умершего теперь не имела никакого значения: раз умер – о том молчи или говори только хорошее.

В этой тихой заводи бурного потока человеческой жизни проходила угрюмость, сглаживалась угловатость в характере. И наши индейцы тоже мирились с белыми и забывали себя как представителей истребляемой расы. Давид Белый Камень до того часто стал отлынивать от своей работы, чтобы в чем-нибудь помочь своим друзьям, что место свое потерял и другого найти так и не мог. С большой радостью Серая Сова и Анахарео приняли его в свою семью и стали всем делиться с ним поровну.

Пришел гонорар и за второй очерк. Все было уплачено по счетам и пополнены запасы в палатке. Серая Сова снабжал хозяйство бакалеей. Давид добывал в соседних лесах и озерах мясо и рыбу. Так сложилась эта маленькая община, самостоятельная, независимая. Можно бы так долго и жить, ни о чем не горюя, если бы не постоянная тоска о севере, не эти вечные разговоры с воспоминаниями о прошлом, с планами на возможное будущее.

Некоторое состояние равновесия в отношении средств существования не могло

Королева бобров. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
удовлетворить надолго индейцев. Здесь осуществить свой проект Бобровой Колонии Серая Сова не видел никакой возможности. Давид, в свою очередь, очень волновался о своих золотых россыпях. Мало-помалу эта мечта о золотых россыпях овладела всеми одинаково: старику Давиду нужно было золото, чтобы удалиться на покой; Анахарео влекла наследственная страсть к золотоискательству; Серой Сове нужны были средства, чтобы создать свой заповедник. Путешествие на золотые прииски было хорошо обдуманно, не хватало только средств. Между тем был уже июль, нужно было теперь же, не дожидаясь осени, позаботиться о зимних запасах и всех предстоящих расходах на трех человек, на это трудное плавание за двести миль, со многими волоками, в перегруженном каное. Золотоносный участок принадлежал Давиду. Чтобы самому не войти в это общество золотоискателей с пустыми руками, Серая Сова решил заработать денег и стал для этого особенно внимательно наблюдать жизнь Джелли. Вскоре он написал рассказы и длинный очерк о дикой природе с его новой точки зрения. Эти свои произведения Серая Сова прочитал кое-кому, понимающим по-английски, и, по их словам, они получили большое удовольствие.

Один из этих слушателей Серой Совы, кто-то вроде публичного лектора, сказал, что выслушанное им годится как хороший материал для лекций. Но Серая Сова для этого недостаточно знал по-французски. Ближайший поселок, где все говорят по-английски, был дачный поселок на южном берегу реки св. Лаврентия, известной под именем Метис-Бичо. Это было несколько далековато, но Серая Сова захотел попытать счастья: ему очень хотелось поделиться своим опытом с другими людьми. Итак, недолго раздумывая, Серая Сова передал свое хозяйство Давиду, а сам вместе с Анахарео, пожелавшей его сопровождать, упаковали Джелли Ролл, провиант, лагерное снаряжение и сели на поезд, идущий в Метис-Бичо.

Индейцы прибыли на место, по обыкновению своему, с пустым карманом; всего наличными было один доллар и шестьдесят девять центов. Между тем для выступления с лекциями, оказалось, нужны были кое-какие расходы: например, на объявления, на оплату устроителя и т. д. Но еще раньше денежных затруднений встретилось такое неожиданное препятствие, как необходимость в разрешении стать лагерем. К счастью, нашелся один француз, который разрешил раскинуть лагерь на своей собственной земле, и это затруднение кончилось. Но тут же возникло новое, обидное и невозможное: оказалось, что для лекции необходимо заняться саморекламой! Услышав об этом, Серая Сова и Анахарео съезжились, как два червя, попавших в тарелку с солью. Читать лекции – это одно, а заниматься такой пошлостью, как самореклама, – это совсем другое. Так создалось опять трудное положение. Джелли, привыкшая к большой воде, приходила в своем ящике в бешенство и непрерывно кричала.

Прошло две недели в таком раздражении, что тошно было и думать о лекции. От обидной неудачи в своей попытке объясниться с людьми Серая Сова и Анахарео захирели и затворились в своей палатке на берегу столь недружественного Атлантического океана. Джелли исхудала от жажды плавать в воде, но пустить молодого бобра в соленую морскую воду было опасно. Давид писал, выражая надежду на хорошие дела. А дела были такие, что все запасы приходили к концу. Мелькала уже мысль дать телеграмму доброму лавочнику в Кобано – выслать деньги, как он обещал, на случай неудачи, на обратный билет. Но Серая Сова преодолел это малодушие, удалился в лес – остаток лесной страны – и там написал лекцию величиной приблизительно в пять тысяч слов.

Между тем слух о намерениях прибывших индейцев разнесся по всему дачному поселку, и один из первых здешних поселенцев, владевший почти всею землей, наконец-то отвел площадь для лагеря, на которой находился маленький пруд. Здесь Джелли Ролл опять зажила припеваючи. В это время одна дама, видное лицо в поселке, заинтересовалась планами Серой Совы, прочитала его лекцию и очень одобрила его мысли и чувства. Она твердо решила пустить интересную затею в ход и сама сделалась секретарем, устроителем и казначеем всего этого предприятия. Ее молодые сыновья и друзья продавали билеты. Сама же она, – как оказалось, большая мастерица в этих делах, – нарисовала много плакатов. Назначен был день чтения, место определено было в танцевальном зале. Кроме того, добрая дама дала Серой Сове несколько ценных советов в ораторском искусстве.

Пришел назначенный вечер. Серая Сова и Анахарео скромно прошмыгнули в здание через черный ход. Ожидая вызова, они сидели в задней комнате в большой тревоге за Джелли: не опрокинула бы она в лагере молоко, не переехал бы ее один из автомобилей, которыми кишела эта страна. Представляя себе это свое чтение, Серая

Королева бобров. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
Сова, казалось ему, охотно бы поменялся своим положением с положением Джелли под колесом автомобиля. Наконец лектора вызвали, и это шестие в комнату экзекуции Серая Сова считал одним из самых храбрейших поступков своей жизни Анахарео шла за ним как моральная поддержка, хотя, в сущности, это было похоже на то, как если бы слепой вел слепого.

Когда же Серая Сова очутился лицом к лицу с тесной массой нескольких сот устремленных на него лиц, он почувствовал себя, по собственному его выражению, как змея, проглотившая ледяную сосульку и пронзенная холодом от головы до хвоста.

Спасение, однако, было тут же, рядом. Леди-покровительница выступила вперед и произнесла короткое, но хорошо составленное вступительное слово. Собрание ей аплодировало. Наступило молчание. Пришел час броситься в бой.

И вот что пишет об этом решительном шаге своей жизни сам Серая Сова:

«Я остановил свой взгляд на добром лице в первом ряду и неожиданно обнаружил, что говорю. Я слышал шепот. Люди смотрели друг на друга, кивали головой, казались заинтересованными. Тогда я почувствовал уверенность, увлекся темой и развил ее до конца. На мгновенье была пауза, и затем аплодисменты, громкие, настойчивые, долгие. У меня закружилась голова: такой шум – и для нас! Поднялся полковник со словами высокой оценки, и он – я с трудом мог верить своим ушам – сказал, что это была не лекция, а поэма. Новые аплодисменты. Затем весь этот народ столпился вокруг нас, пожимал руки, поздравляя».

Последовали другие лекции. Серую Сову приглашали говорить в других залах, в отелях. Всегда рядом с ним на лекциях стояла Анахарео. Тяжело ей было выносить свою долю участия: какие мужественные усилия нужно было иметь, чтобы, преодолевая мучения застенчивости, самой держаться спокойно и свободно! Некоторые родители приводили своих детей, прося поучить их мудрости индейцев, живущих в лесах. Серая Сова не отказывал наивным родителям в их просьбе, и, наверное, из его рассказов и советов детям не все упало на каменистую почву. Анахарео с ее женским тактом в отношении детей имела, конечно, большой успех. Она догадалась рассказать истории ее Ирокезского народа, о привлекательном, но в каком-то отношении и жестоком Нинно-Боджо. Что же касается Серой Совы, то он совсем упустил из виду, что дети в известном возрасте питают склонность к рассказам кровожадного содержания. Он слишком много останавливался на чувстве родственного внимания человека к слабейшим существам, населяющим лес. Нет никакого сомнения в том, что особенно восприимчивые дети хорошо поняли Серую Сову, но однажды он был вовсе огорошен, когда в ответ на предложение задавать любые вопросы поднялся рослый парень лет тринадцати и спросил:

– Убили вы кого-нибудь?

– Нет! – признался Серая Сова несколько робко. Он так сказал это «нет», как будто извинялся в таком маленьком своем упущении.

– Снимали ли вы когда-нибудь скальп? – продолжал этот эмбрион прокурора.

– Нет! – опять повторил Серая Сова.

Эмбрион бросил долгий презрительный взгляд и сказал:

– Ну, так вы просто дурак!

На таких беседах всегда присутствовала Джелли и звуками своего неодобрения скучным лекциям много вносила оживления.

Хорошо ли, худо ли, но деньги за лекции поступали, и в банке был открыт текущий счет. Лагерь индейцев был всегда окружен толпой детей, и Джелли сделалась самой популярной личностью в Метис-Бичо.

По возвращении домой Серая Сова и Анахарео были радостно встречены Давидом, который долго не мог опомниться от изумления и поверить вполне в правду походов Серой Совы. Но он должен был поверить текущему счету в банке и двум билетам до Абитиби, которыми их снабдил один добряк. Да не то что Давид, но и сами они, Серая Сова и Анахарео, неясно сознавали еще, что ведь теперь же они

Королева бобров. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru были свободны, они могли осуществить свои заветные планы, могли вернуться на свой суровый вольный север с его романтикой, с его дикой свободой, с его золотом. И они могут же, наконец, оставить эту печальную, изуродованную страну с ее замученными, опустошенными лесами и воспоминаниями печальными, бедственными.

Времени оставалось мало, а ехать было далеко. Потому на следующий день уже лагерь был свернут, и золотоискатели направились к станции Каноз со всеми пожитками было погружено в багажный вагон, а Джелли, в особом ящике с вентиляцией, – в пассажирский.

Сидя на станции в ожидании поезда, Серая Сова смотрел на Темискаату, на темную Слоновую гору, стоявшую так тихо и спокойно на страже у входа в Тулэиди. Каждый знал, о чем думал другой, и эта дума действительно была одна и та же: они думали, что два любимых существа, возможно, и живут где-то там, сзади этих гранитных скал, увенчанных соснами. С этими существами у них было связано все самое задушевное. Через них в Анахарео пробудилась женщина со всей ее нежностью, через них Серая Сова открыл себе путь такой широкой свободы, о которой и не мечтал. И сейчас Серая Сова хотел бы лучше там, за этими скалами, сидеть, писать, искать потерянных друзей, ждать их возвращения, чем искать золото: он никогда не любил это дело. Напротив, Анахарео, как дочь золотоискателя, стремилась душой заняться этим, но вспомнила, глядя на скалы, что, возможно, милые звери живут себе где-то там, и она теперь ради золота изменяет своему долгу найти их, дожидаться.

Нужно и еще кое-что вспомнить, более ясно представить себе жизнь этих лесных людей и сравнить ее с жизнью людей так называемых вполне современных, чтобы понять дальнейшее.

– Я ухожу, – сказала Анахарео сдавленным голосом.

Серая Сова сразу понял ее. Он взял свои тщательно упакованные для путешествия ружья.

– Ты права, – согласился он. – Один из нас должен здесь остаться, и я остаюсь.

Сразу стало легче.

Серая Сова никогда не менял своих решений, и это решение было ясное: какой же он золотоискатель! И вот Джелли ведь тоже не любит езду в поезде, она даже умереть может от этой езды.

Так Серая Сова и Джелли вышли из поезда. Осталось взять из багажа одну палатку, немного провианта, свои личные вещи, потихоньку сказать своему старому любимому каноз «Прощай!»

Да, конечно, Серая Сова хорошо знал, как его дорогим людям хочется ехать. Давид вышел из поезда на станцию. Его лицо было решительно и серьезно, в глазах волнение индейцы никогда не разлучаются случайно.

– Заботься о ней, старина! – сказал Серая Сова.

Давид уже шестьдесят семь лет в пути Серая Сова знал, в каких она будет руках, – быть может, лучше, чем в его собственных.

– Да, буду, – просто ответил Давид.

– Все садись! – раздалась команда.

Давид крепко сжал, моргая сразу обоими глазами, руку Серой Сова и, догоняя убегающие ступеньки вагона, закричал:

– Мы вернемся с мешком золота, вот погоди только, и какую же мы тогда устроим попойку!

И потом, уезжая, издали закричал, как в старину кричали индейцы.

– Хей-ей-ей-иа!

Королева бобров. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
Поезд быстро набирал скорость, и Серая Сова напряженно следил глазами за двумя коричневыми лицами, черными, развевающимися на ветру волосами и махавшими руками. Они делались все меньше, пока поезд не повернул и все не закрылось. Тогда Серая Сова погрузил свой багаж в фургон, крепко обхватил одной рукой Джелли и пошел по пустым и грязным улицам к парому, назад на Тулэйди.

«ЗИМА ВДВОЕМ С КОРОЛЕВОЙ»

Оказалось, не так легко приспособиться жить в полном одиночестве. Уехала Анахарео, доблестная, верная, пережившая вместе такие испытания. А этот Давид с его взволнованными глазами, при прощании потерявший самообладание, может быть, единственный раз в жизни! И его теперь больше нет! Серая Сова в тоске своей чувствовал свою душу, обнаженную, пустую, измученную, голодную, потерянную.

Привязанность индейца к своим вещам бывает не менее сильная, чем к людям. Теперь он впервые за двадцать пять лет, исключая время военной службы, оставался без каноэ и чувствовал себя точно так же, как всадник, оказавшийся в пустыне внезапно без лошади. Это каноэ было его верным спутником во многих утомительных путешествиях и было ему теперь совсем как живое существо. Правда, он был горд, что мог подарить его Давиду, а тот был горд тем, что этот дар принимал. Но все-таки, потрогав в последний раз то стертое место на борту каноэ, где так долго работало весло, Серая Сова испытал волнение капитана, когда на его глазах его возлюбленное судно погружается в волны. Одно только и утешало, что каноэ будет в достойных руках и послужит достойной цели. Благополучие Анахарео было в тех же руках, и ей, исполненной честолюбивых надежд в поисках счастья, не ведающей, с чем придется встретиться в суровой действительности, нужна была такая рука. Они ехали к Лабрадору, холод и бури сурового климата могли бы устроить кого угодно, только не такую дочь своего народа, как Анахарео. С этой стороны Серая Сова за нее не боялся.

Но сам он был так одинок в первый раз в своей жизни. Ему оставался теперь только единственный забавный и веселый товарищ – маленький бобренок Джелли, которая если и чувствовала когда-нибудь свое одиночество, то во всяком случае этого никогда не показывала. Она уже перестала быть детенышем и развилась в прекрасный экземпляр своей породы. Она всегда была веселая, оживленная, у нее была прекрасная пушистая темноблестящая шуба, которую, бывало, Анахарео каждый день расчесывала с такой гордостью.

Как бы там ни было на душе, к зиме надо было сейчас же готовиться. По указаниям местных людей, Серая Сова в пяти милях за Слоновой горой на берегу маленького озера, нашел лагерь, хорошо выстроенный и сохранившийся. Туда вела лесная дорога, большей частью по болоту наняв телегу для перевозки запасов, сам Серая Сова двинулся туда пешком. За спиной в мешке у него была Джелли, голова и руки у нее были свободны, и она могла во все стороны обозреть окрестности.

Серой Сове теперь казалось, что он сейчас удаляется от линии, разделившей его старую жизнь от новой он идет теперь вперед, в новую жизнь, и в свидетельство этого за спиной его сидел этот маленький визгливый ребенок Джелли болтала, бормотала, ругалась, теребила волосы Серой Сова, и он никак не мог в это время думать, что такая дурочка со временем станет знаменитой леди и создаст имя себе и ему. В полной сумятице прошли первые пять месяцев ее жизни. Ее возили туда и сюда на поездах и в фургонах, в разнообразных ящиках, показывали на лекциях как главный экспонат, и под конец целых два дня она провела в конюшне, где вместо пруда для плавания она имела только таз и вместо тополевых веток кормилась оладьями. Немудрено, что теперь эта актриса в мешке за спиной безумствует и теребит волосы Серой Сове. Но переход был небольшой, скоро пришли к маленькому, но глубокому озеру, расположенному высоко в горах. Здесь маленькая Джелли может сколько ей угодно кружиться на воде, нырять в глубину. Глины здесь тоже довольно для игры – можно из глины строить бобровые хатки на берегу. Была даже длинная нора со спальней в конце, оставленная когда-то семьей ее племени. Такого счастья Джелли в своей жизни еще не знавала, и оттого первое время она была в совершенном экстазе. Она спала в норе, находившейся в полумиле от хижины вверх по ручью, но каждый вечер около заката она появлялась около хижины и царапалась с просьбой впустить ее в дверь. Ночью тоже она любила заглянуть на часок к хозяину, с любопытством проверяя, что он делает, чем занимается. В особенности ее интересовала койка, на которую она взбиралась по особому приспособлению, а уходила, просто сваливаясь. Оставляя дверь хижины всегда полуотворенной, Серая Сова часто по утрам находил ее спящей возле себя.

Королева бобров. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
Между тем для писательства Серой Сова открылись новые возможности. Однажды в его руки попал номер спортивного журнала, целиком посвященный идеям охраны природы. В нем была помещена статья одного автора из Онтарио, которого Серая Сова в свое время хорошо знал. Автор был теоретик, писал с чужой опыта и во многом был введен в заблуждение. Взяв темой ошибки автора, Серая Сова тут же в городе написал статью и отправил в этот журнал, бывший официальным органом «Канадской лесной ассоциации», пожизненным членом которой вскоре он и сам сделался. Это было первое выступление Серой Сова в печати родной страны.

Статью напечатали, и Серая Сова в этом журнале стал постоянным сотрудником.

А тот английский журнал, в котором были напечатаны два очерка и целая серия длинных, написанных во время припадков тоски одиночества писем к издателю, тоже не забывал Серую Сову. Ему было прислано оттуда предложение написать книгу.

«Я принял это предложение, – пишет Серая Сова, – не имея в то время ни малейшего представления о том, как надо приступить к делу. Когда я пал об этом размышлять, то при незнании техники писания вот что, казалось мне, было непреодолимой трудностью как можно описать какое-нибудь событие, в котором я не только наблюдатель, но и действующее лицо, чтобы, описывая, избежать неприятного углубления личного местоимения в первом лице. Я знал два приема холодно говорить об авторе в третьем лице и заменять местоимение „я“ числительным „один“. Однако это мне казалось жонглированием словами. Такое неестественное пользование подменами привносило в рассказ дух ужасного лицемерия, недостойного такой простой и благородной темы, как моя возлюбленная дикая природа. Впоследствии я сделал открытие, что эти подчас удобные формы могут быть по меньшей мере увертками, под которыми скрывается ваш собственный чистейший эгоизм. Вот почему я решил писать не личную биографию, а серию очерков о самом севере. Однако в настоящей книге я решил допустить в небольшом количестве честно стоящие на своем месте естественные, безупреочные „я“.

Серая Сова получал множество предложений продать Джелли Ролл, и всем он должен был постоянно объяснять, что есть вещи непродажные и никакие деньги никогда не соблазнят его расстаться с любимым зверьком. Одно из таких предложений было от лица, жившего в ближайшей деревне – Нотр-Дам-дю-Лак. По его приглашению, – конечно, без всякого намерения расставаться с Джелли, – Серая Сова навестил его. Он оказался горбуном и занимался дрессировкой животных. У него было что-то вроде цирка, благодаря которому он и существовал. Цирк состоял главным образом из собак, некоторые из них танцевали, а одна могла ходить по натянутой проволоке. Еще у него был солидных размеров медведь, умевший вертеть ручку шарманки и ездить на трехколесном велосипеде. Медведь мог и ружье носить на плече, и падать после пушечного выстрела, делая вид, будто умер, и по приказанию опять воскресать. А все вместе – и медведь и собаки – могли под граммофон танцевать. Чтобы следить за порядком танцев, горбун тоже ходил в кругу между животными, и казалось, будто он вместе с ними танцует. Горбун был пониже медведя, и оттого казалось, что странными танцами руководит медведь. В темной, плохо освещенной галерее эти танцы производили несколько жуткое впечатление. Горбун был широко известен под кличкой „Горбун из Нотр-Дам“ и многим казался довольно жуткой фигурой. Но при ближайшем знакомстве в нем открывалась самая нежная, самая добрая душа, так что нельзя было сомневаться в его словах, что всех результатов с дрессировкой животных он достигал только добротой и терпением. Самым замечательным в его представлениях был непринужденный, почти неслышимый голос, которым он пользовался, так что слепое повиновение животных было похоже на сотрудничество, вольное соучастие. Вскоре человек этот умер, и опасение, выраженное им перед смертью, оправдалось его зверинец был расформирован, и животные рассеялись. Медведь, отпущенный на свободу, решительно отказывался жить в лесу и, сколько ни прогоняли его, все возвращался в старый дом, пока не был убит трусливыми крестьянами.

Около этого времени пришло, наконец, письмо от Анахарео. Все шло там у них хорошо, если не считать чувства одиночества, с которым, в свою очередь, и Серая Сова познакомился. Отправляя это письмо, Анахарео готовилась отплыть в тяжело нагруженном каноэ на озеро Чибугамау, за двести миль на север от железной дороги.

В городе Квебеке, рассказывала Анахарео, были приключения Давид пропал где-то в бесчисленных тавернах. Прождав его возвращения два дня, Анахарео, наконец, собралась его разыскивать и расспрашивала в каждой пивной. Конечно, его

Королева бобров. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru прекрасно знали везде, и в последний раз, когда его видели, он был порядком-таки навеселе. Учитывая его церковные наклонности в этих случаях, она искала его и в церквях и обошла все, начиная с самых больших. Нигде не было никаких следов – ни в церквях, ни в пивных. На очереди были полицейские пункты, – и там о Давиде никто ничего не слышал. И, наконец, она нашла его, измученного, голодного, на железнодорожной станции.

Оказалось, что Давид до того доходился по тавернам, что потерял всякое представление о времени. Он почему-то решил, что опоздал к тому поезду, на котором Анахарео уехала без него. Испуганный этой ужасной мыслью, он бросился в первый попавшийся поезд – без билета, без денег, без снаряжения, притом поехал и проехал миль шестьдесят совсем даже и не в том направлении. Поняв свою ошибку, он выскочил из поезда и так вот кое-как добрался Серая Сова вспотел, читая эту историю, но, поняв из письма, что они теперь уже в лесу, уже в лодке, успокоился в лесу равных Давиду не было.

Открылся охотничий сезон, и леса наполнились охотниками Серой Сова стало жить здесь беспокойно пришлось охранять район деятельности Джелли всю ночь, а иногда и спать возле норы. Между тем он вовсе не думал плохо о людях, что они возьмут и убьют его Джелли, но он думал, что, как в случае с Мак-Джинти и Мак-Джиннисом, один какой-нибудь убийца всегда может найтись.

Вот и приходится теперь спать у норы из-за этого одного.

В деле охраны Джелли неожиданно оказался полезным тот самый охотник, который как старожил имел претензии на этот участок. Вместо того чтобы стараться выгнать Серую Сову, он дал ему свое каноэ и начертил план местности. Благодаря такой возможности двигаться водой дело охраны упростилось.

Охотничий сезон прошел. Леса опустели. Серая Сова и Джелли, каждый по-своему, стали готовиться к зиме. Сток воды из озера, около которого находилась хижина, проходил по торфяному болоту, и ближайшие окрестности были покрыты карельской березой, которую Серая Сова принялся теперь рубить на дрова. Джелли выбрала себе место с более красивым пейзажем: она устроилась жить у ручья, сбегавшего с горы по заросшему лесом оврагу. Она соорудила себе из глины, палок и мха целую крепость. Внутри же у нее была чудесная чистая постель из стружек, наструганных ею из сворованной доски; тут же был у нее маленький склад съестных припасов. Но ей одной тут было, наверное, не всегда весело: она часто спускалась вниз и много часов проводила в лагере. Когда шел снег, она боялась ходить, и тогда делал визит к ней сам Серая Сова. Обычно она слышала его шаги на большом расстоянии и бежала навстречу с криками, вся извиваясь в знак приветствия.

Так, посещая друг друга, зверь и человек необычайно сближались. Серая Сова иногда часами сидел, наблюдая за ее работой, а случалось, принимался и сам помогать. Когда вода покрылась льдом и посещения Джелли прекратились, Серая Сова часто приносил ее к себе в ящике за спиной. Видимо, она не сердилась на такие путешествия и по дороге произносила длинные речи и всячески старалась поддержать разговор. К себе домой она проложила каким-то таинственным способом свой собственный путь подо льдом и всегда благополучно добиралась. Однако Серая Сова сопровождал ее берегов» с карманным электрическим фонарем и уходил обратно, лишь когда убеждался, что она благополучно дошла. Расстояние было свыше полумили, и она могла путешествовать так долго подо льдом лишь плутовским способом: она вставляла свой нос в норы ондатр и так пополняла запас воздуха.

Однажды ночью после ее ухода Серая Сова уснул, а утром нашел дверь широко открытой, и она спала рядом с ним на подушке. Больше она уже и не уходила, очевидно решив зимовать вместе с хозяином. Имея в виду эту зимовку, Серая Сова купил небольшой оцинкованный бак, вставил его в пол, выкопав яму под одной стеной. Этот бак после продолжительного осмотра был признан вполне подходящим, но самый дом оказался неудобным; он был решительно отвергнут и даже закупорен мешочной материей и оленьей кожей. Затем она, потратив много труда, вырыла длинный тоннель под углом хижины, причем грязь она вытаскивала целыми кучами и затем размазывала ее по полу, как блины. Всякая попытка Серой Сова вычистить грязь вызвала у нее новую лихорадочную деятельность, и снова участок пола радиусом в шесть футов покрывался грязью. Из всей этой земли она устроила себе прочный тротуар к баку с водой; и еще у нее была около своей двери хорошо утрамбованная площадка для игр. Когда она убедилась, что Серая Сова ей не мешает и землю не убирает, она успокоилась и больше не подрывала здание, которое при

Королева бобров. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
дальнейшем упорстве хозяина должно было свалиться. После окончания этих земляных работ оказалось, что они были только предварительными. На зиму ей надо было переменить все внутреннее устройство лагеря.

По ночам она начала работать над дровяным ящиком с целью устроить из дров леса, по которым она могла бы лазить на стол и на окна. Все сделанное не из железа и стали подлежало переработке, имевшей характер настоящей оргии разрушения. Особенно привлекал ее внимание низ двери, из которой немного дуло. Она заделывала его любимыми материалами, какие только находились в ее распоряжении, и в особенности она любила заделывать одеялом. Выговоры только временно приостанавливали подобную опустошительную деятельность, а шлепки и порка вызывали визги с энергичным кружением, качанием головой и другими курьезными кривляниями, благодаря которым эти животные кажутся такими смешными в первый год их жизни.

Случалось, Серая Сова, выведенный из терпения, решался серьезно ее наказать, и она это сразу же понимала: она становилась на задние лапы, смотрела прямо в лицо, спорила ворчливым дискантом и, оскорбленная, возмущенная, сама шлепала своего хозяина по спине. Однако и в этих случаях крайнего возмущения она никогда не пользовалась своими страшными зубами. Попадая в немилость, она обычно залезала в ящик, стоявший возле стола, голову клала на колени к хозяину, смотрела на него, болтала на своем нехитром языке вроде того, что: «какое значение могут иметь в отношениях между людьми несколько ножек от стола или ручка от топора?» и она всегда получала прощение, потому что ведь она же, по существу, была такая хорошая, что долго сердиться было невозможно.

Часто бывало Серая Сова сядет на коврик из оленьей шкуры возле печки; тогда появляется Джелли, кладет на его колени голову и, глядя вверх, начинает издавать ряд колеблющихся звуков в разных тонах, – не иначе это была попытка петь. Во время этих представлений она не сводила глаз с Серой Совы, и потому он считал себя обязанным слушать со всей серьезностью. Это времяпрепровождение скоро стало регулярно повторяться каждый день, и мелодичные звуки, ею издаваемые, Серая Сова считал самыми странными, какие он когда-либо слышал от животных.

Так вот человек и животное, с поведением человека и голосом ребенка, несмотря на некоторые разногласия, в течение зимы сближались между собой все тесней и тесней, вероятнее всего потому, что оба по-своему были так одиноки. Мало-помалу животное стало согласовывать с человеком даже свои часы вставания, ухода ко сну и еду. Лагерь, обстановка, постель, бак с водой, ее маленькое логовище, сам Серая Сова и были теперь всем ее собственным миром. На человека она смотрела, как на бобра, и, возможно, надеялась, что сама тоже, когда дорастет до этого большого бобра, будет сидеть рядом с ним за столом, или, наоборот, что у человека когда-нибудь вырастет хвост и он станет точно таким, как и она.

Серая Сова часто уходил за продуктами, покидая лагерь дня на два, а когда возвращался, она яростно била его по ногам, пытаясь опрокинуть. Когда же он опускался на корточки и спрашивал ее, как шли у нее дела за это время, она садилась, трясла головой назад и вперед, каталась на спине, неуклюже вокруг него скакала. Как только он разгружал тобогган, она тщательно изучала каждую вещь, каждый пакет, пока не находила желанных ей яблок: это для себя она всегда находила. Найденный пакет с яблоками она немедленно разрывала, набирала, сколько могла ухватить руками и зубами, и, стоя, отправлялась к баку с водой, где одно съедала, а остальные пускала в воду.

В воду она входила не часто и после выхода из ванны шла обычно на определенное место, где садилась и выжимала из меха воду и действовала при этом передними лапами совершенно как руками. В луже, образовавшейся под нею, она не любила сидеть и в этих случаях завладевала берестой, пользуясь ею как баннным ковриком. Но вскоре она открыла, что гораздо лучше это выходит на постели, потому что одеяло впитывает влагу. После значительных усилий хозяина и не без возмущения с ее стороны она остановилась на том, что сдирала бересту и на нее настилала слои мха, вытаскивая из стен. Периодически она вытаскивала просушивать из своей спальни постель, состоящую из прекрасных длинных стружек, содранных с настилки пола, и лоскутьев от мешков, и раскладывала все это на полу для проветривания. Через некоторое время она считала проветривание достаточным и убирала опять свою постель в спальню.

Обе эти процедуры Серая Сова считает замечательным примером приспособления

Королева бобров. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
животных, и в особенности проветривание подстилки, потому что в природе бобры подстилку просто меняют на свежую. Кончив еду, она всегда тарелку перетаскивала в угол и до тех пор не успокаивалась, пока не ставила ее на ребро, прислонив к стене. Серая Сова убедилась, что ставить тарелки на ребро свойственно всем бобрам и происходит от желания держать внутренность своего жилища в чистоте, точно так же и все обломки, все палочки они собирают и ставят к стене.

Если приносились ветки для еды и складывались на необычном месте, она их перетаскивала и аккуратно складывала возле воды. Она терпеть не могла, чтобы палки и всякие материалы разбрасывались по полу. Все это она уносила и складывала в кучу всякого хлама, устроенную под одним из окон. Но это правило – все лишнее отправлять на помойку – к сожалению, распространялось и на носки, и на мокасины, и на стиральную доску, на веник и т. п. Веник у нее был чем-то вроде символа власти уборщика, она его постоянно носила при своих инспекторских осмотрах, а иногда вдруг перевертывала его низом вверх и начинала им завтракать. Откусывая по одной соломинке из веника, она втягивала ее в себя, крошила зубами с такой быстротой, что напоминала шпагоглотателя, а издаваемые ею при этом звуки были похожи на шум испортившейся швейной машины. Из-за этих веников у нее с хозяином были великие перебранки, пока он не догадался, что проще всего покупать новые.

Иногда она была не расположена выходить из своих покоев и тогда сонным голосом заводила с хозяином бесконечные разговоры через отверстие. Она то повышала, то понижала тон, и в таком ритме, что казалось, она действительно говорит. А может быть, это и на самом деле с ее стороны было попыткой говорить? Ведь на всякие же вопросы человека его пушистый товарищ непременно старался что-то ответить; не только днем, во время работы или еды, но даже и ночью, сквозь сон, достигшее слуха человеческое слово вызывало со стороны бобра попытку ответа.

Нужно было пять раз сходить за водой, чтобы наполнить бак, и оттого звяканье ведра стало для нее сигналом к перемене воды. Тут она выходила из своего уединения, вертелась между ногами и контролировала, насколько плотно закрылась дверь по выходе хозяина за водой: не дует ли из двери страшный холодный воздух. Такие попытки сотрудничества хотя и несколько затрудняли работу, но ей доставляли такое большое удовольствие, что Серая Сова терпел. Но самое большое удовольствие было для нее делать что-нибудь запрещенное. У нее даже глаза загорались какой-то нечестивой радостью, когда она, набезобразив, видела приближение Серой Совы в каком она была восторге, с каким визгом от страха быть пойманной она удирала! Она считала себя собственницей пола и всего, что находилось в пределах ее достижения значит, всего, что лежало на высоте двух с чем-то футов, – это было большинство вещей. Пока зима была в самом разгаре, собственно разрушительной деятельностью она занималась мало. Ее вполне удовлетворяло занятие перетаскивания вещей с места на место или изучение их с целью выбора и последующего присоединения к тем самым разнообразным вещам, из которых был сложен ею вал, вдоль которого она ходила из своего жилища к ванне. Некоторые вещи – например, кочергу, жестяную банку, железный капкан – она расставляла на определенных местах, и, если их передвигали, она переносила их обратно, и сколько бы раз ни убирали, столько же раз она их возвращала обратно. Осуществляя какой-нибудь свой проект, она работала с таким увлечением, что забывала все другое и делала перерывы только для еды и чтобы расчесывать себе шубу своими гибкими лапами.

Проказливость мартышки у нее соединялась с капризами ребенка, а неуклюжие шаловливые приветствия очень оживляли Серую Сову при его возвращении домой после утомительной дороги. Невероятно своеобразная, она имела сильный собственнический инстинкт, вполне естественный для существ, строящих себе жилища и окружающих себя предметами, сделанными собственными руками. Весь лагерь, несомненно, она считала личной своей собственностью, и, когда кто-нибудь приходил даже издалека для того только, чтобы на нее поглядеть, она не всякого желающего пропускала в лагерь. Подвергнув длительному, внимательному осмотру, некоторых она безоговорочно пропускала, но если кто ей не нравился, она становилась против него на задние лапы и старалась вытолкнуть вон из лагеря. Это среди гостей производило сенсацию, и они стали ее называть кто Хозяйкой, кто Госпожой озера, а кто Королевой. Из всех этих кличек удержался только царственный титул. И нужно сказать, что Королева правила своим маленьким государством не мягкой рукой.

Замечательна та перемена, которую внесла Королева в строй мыслей такого человека, как Серая Сова. Возможно, что именно вследствие отшельнического образа

Королева бобров. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
жизни встреча с людьми для Серой Сова всегда имела особенно сильное значение. Но до появления Анахарео встречи эти были случайны и редки. Место людей тогда в его сердце занимали вещи, которыми он себя окружал. Это были: каноэ, проверенное во всякую погоду, пара легких лыж, топор с тонким, хорошо закаленным стальным лезвием, прочные ремни для ношения груза, меткие ружья, искусно сделанный для метания нож. Все эти вещи для Серой Сова были как живые существа, даже целое общество живых существ, от которых зависели его жизнь и благополучие.

После отъезда Анахарео, казалось бы, Серая Сова должен был в своем одиночестве снова вернуться к прежнему своему благоговейному очеловечиванию своих дорогих вещей, но оказалось – нет их место заступила целиком одна Королева. И немудрено! В этом существе жизнь была создана не рукой самого человека оно само возникло в лесу, в этом существе было свое понимание, оно говорило, отвечало человеку, двигалось, – сколько во всем этом было действительно близкого, общего с человеком! И вот это общительное, домолюбивое животное, игривое, трудолюбивое, сознательное, утолило жажду дружбы одинокого человека, да так, как никто бы другой не мог сделать, кроме человека, и притом человека именно той же самой духовной природы, каким был сам Серая Сова.

Собака, несмотря на свою привязанность и верность, мало имеет средств для выражения своей личности, и ее деятельная жизнь слишком далека от человеческой, собака часто бывает слишком покорна Джелли, напротив, вела себя как существо, единственное в своем роде, как личность, и занималась тем самым, чем и человек стал бы заниматься в ее положении, если бы не захотел потерять своего достоинства она строила хижину, приносила запасы, задумывала и осуществляла разные собственные планы, стояла твердо и решительно на своих собственных ногах, имела независимость духа, близкую к человеческой, смотрела на человека как на сожителя, принимала как равного и не больше Серая Сова действительно находил в своей Джелли такое существо и никогда и ни в чем не хотел ставить себя выше, кроме случаев ее разрушительной деятельности.

Попытки установить какое-то общение с человеком, подчас забавные, подчас вызывающие сострадание, – вот эти попытки, думал Серая Сова, и ставят бобра значительно выше уровня обыкновенных животных. К этому надо прибавить еще общность интересов в сохранении вещей в порядке, в поддержании дома в чистоте.

Скоро снег сделался достаточно глубоким для хорошего лыжного пути и дал возможность Серой Сова начать систематические передвижения по стране с целью окончательно установить, живы ли Мак-Джиннис и Мак-Джинти, или их больше нет. Зимой, даже самой снежной, для охотника определить местожительство бобров не так уж трудно, как это кажется. И Серая Сова так решил, что зимой он определит, по возможности, все хижины бобров, а после, в летнее время, проверит, кто именно в них живет. Вскоре Серая Сова, таким образом, нашел в нескольких милях от хижины, в тех же водах, еще три семьи. Это открытие не принесло много радости Серой Сова, потому что мысли свои – устраивать заповедник в стране, где так дешево ценили жизнь животных, – он совершенно оставил. Конечно, потерянные бобрята могли найти приют в любой из колоний, но решение этого вопроса откладывалось до позднего лета.

Серая Сова начал составлять план книги, но писать самую книгу чувствовал себя не в состоянии. Он никак не мог себе представить, как это можно такое множество всего связать в одну книгу. Вспомнив о захваченном вместо поваренной книги «Письмовнике», он извлек его из приданого Анахарео и погрузился в такие вопросы, как форма, Диалог, Точка зрения, Единство впечатления, Стиль. Из всего этого Серой Сова более понятным было только Единство впечатления, и он стал сводить все свои тропинки воспоминаний, думая постоянно об этом Единстве впечатления. Что же особенно трудно было – это чтобы все продуманное входило в план; рассказы Серой Сова, напротив, имели способность сами собой писаться, вопреки всяким продуманным планам, и к концу убегать совсем в другом направлении.

Обдумывать книгу очень мешало беспокойство за судьбу Анахарео; правда, хотя она была и хорошо снаряжена и находилась на попечении человека, равного которому не было по знанию леса, все же она отправилась в страну громадных озер, суровых бурь и с таким климатом, в котором здешняя зима, в Темискауате, как раз соответствует тамашней поздней осени.

Чтобы хоть как-нибудь отделаться от таких мешающих работе тревожных мыслей, Серая Сова придумал совершить паломничество в те места, где зародились его

Королева бобров. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
первые литературные устремления, где так много было пережито. Не удастся ли на том месте целиком сосредоточиться на книге? Недолго раздумывая, Серая Сова поручил лагерь одному из своих новых хороших и надежных знакомых, нагрузил тобогган снаряжением и отправился на Березовое озеро.

Печально изменилось старое гнездо человека. Хотя в крыше и появились отверстия и в стенах трещины, в общем хижина имела вид почти такой же, как и была, когда ее оставили. Но вот бобровая плотина без починки своих покойных хозяев сдала, и озеро ушло, и настолько, что, не будь снега, тут были бы только камни и тростники. Бобровый домик, никем не населенный, теперь высоко возвышался над пустым бассейном, и отчетливо виднелся даже и самый вход. После ухода воды, конечно, и ондатры должны были переселиться. Птицы улетели, и чужая белка быстро бросилась бежать, увидев Серую Сову. Только громадные сосны все еще стояли возвышаясь, могучие в своем молчании.

Войдя в хижину, Серая Сова почувствовал себя, как в храме. Все реликвии были на своих местах, но протекавшая крыша плохо их защищала. Знаменитый военный головной убор из перьев висел безжизненно; веселые орлиные перья упали в грязь; с лица воина сошли знаки приветствия, и сам он превратился в чурбан. Милые рисунки, когда-то столь похожие на бусы, потеряли форму, а то и вовсе были смыты. В углу лежало высохшее рождественское дерево. Подрезанные ножки стола, выщипанные олени шкуры, тарелка для питья на полу, вся с пометками от бобровых зубов, занавески на окнах, сделанные руками Анахарео, – все сохранилось. Крепость, выстроенная столь трудолюбиво, осталась нетронутой, и только не выглядывали пылливо из ее отверстий черные глазки бобрят, не слышно было тоненьких дрожащих голосков.

С грустью сел Серая Сова на свое обычное место на скамье, раскаиваясь, что пришел на старое пепелище. И так, пока он сидел в задумчивости в избушке, наступили сумерки. Но снаружи небо еще алело от заката, и через щели и отверстия печной трубы пол и стены были покрыты красными пятнами. От этого волшебного света закоптелая пустая хижина преобразилась и опять получила обаяние прежних дней, опять стала Домом Мак-Джинниса и Мак-Джинти во всей его прежней славе. Все зашевелилось в этом доме Серая Сова зажег свет и тут же начал писать.

Две ночи писал Серая Сова, обманывая себя и читателей в том, что его маленькие друзья Мак-Джинти и Мак-Джиннис еще были живы. Но почему же обман непременно? Возможно, они и жили тут где-нибудь, даже и недалеко. Как бы там ни было, во всяком случае, Мак-Джинти и Мак-Джиннис живут теперь и путешествуют по всему свету, переходя с книжных страниц в сердца людей самых разнообразных.

Об этом своем творчестве в домике у пересохшего Березового озера Серая Сова так записал:

«Неделю я неистово писал, а в ушах у меня звучали и нежный смех женщины и тоненькие голоса, столь похожие на детские. Призраки сидели возле меня, двигались, играли, и действующие лица рассказов жили опять. Эти привидения вовсе не были печальны, – напротив, они радостно проходили возле меня, когда я писал. И, наконец, я оказался в силах справиться с мыслями, ранее недоступными мне для выражения. Тут, наконец, я понял, почему эти маленькие звери производили на нас такое впечатление. Они были по своим привычкам Маленькими Индейцами, символом расы, живой связью между нами и средой, живым дыханием и проявлением неуловимого нечто, этого духа опустошенных земель: леса вырублены, звери истреблены, как будто с виду и нет ничего, а вот, оказывается, остается все-таки какое-то нечто. В каком-то вполне реальном отношении эти бобрята, их природа типически представляют собою основу всей природы. Это высшее животное леса есть воплощение Дикой Природы, говорящей Природы, всего Первобытного, бывшего нашим родным домом и живой основой. Через них я получил новое понимание природы. Я много размышлял об этом душевном перевороте, перемене всего моего отношения к природе, полученной через добра. И я думаю, что и каждое другое животное, а может быть, даже и вещи в соответствии со своим местом и употреблением в той же мере могли бы выполнить подобную миссию, хотя, может быть, и не так очевидно. Я всю жизнь свою жил с природой, но я никогда не чувствовал ее так близко, как теперь, потому что раньше я имел всегда дело лишь с частью ее, а не с целым. И это близкое понимание существа природы породило во мне благодетельную силу самоограничения, теперь я уже ясно понимал свою неспособность толковать это или описывать, и если бы я стал это делать, то это было бы равносильно попытке написать историю творения. Нет, я должен был в силу этой необходимости

Королева бобров. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
самоограничения придерживаться темы, оставаясь в границах личных наблюдений и опыта.

Ритм бега индейца на лыжах, качающаяся, свободная походка медведя, волнообразное движение быстрого каноэ, жуткое, стремительное падение водопада, тихое колыхание верхушек деревьев – все это слова из одной рукописи, мазки одной и той же кисти, отражение неизменного ритма, убаюкивающего Вселенную. Это не благоговение перед языческой мифологией, не учение о почитании животных и природы, а отчетливое понимание всепроникающей связи всего живого на свете, того, что заставило одного путешественника в экстазе воскликнуть: „Индеец, животные, горы движутся в одном музыкальном ритме!“

Чувство всепроникающей связи всего живого породило и мои писания как элемент связи. Дерево падает и питает другое. Из смерти восстает жизнь таков закон связи. Эти писания перестали быть моими, и я теперь смотрю на них, как на отражение эха. Не как на горделивое творчество, а как на подхваченное при моем убожестве эхо тех сущностей, которые раньше меня обходили.

Я почувствовал наконец, что создан был для понимания этого. И Дом Мак-Джинниса и Мак-Джинти, когда я покидал его при звездном небе, больше не казался мне камнем над могилой потерянных надежд и вообще был не концом, а началом. Перед уходом я взял две ободранные палочки, несколько стружек, коричневых волосков, ветку рождественского дерева и туго завернул их в кусок оленьей кожи, чтобы они были моим лекарством, моим счастьем, символом.

Я попрощался с духами и ушел, оставив их всех у себя за спиной. И когда я шел вперед памятным путем, на котором теперь не было ничьих следов, кроме моих собственных, я чувствовал, что там где-то сзади меня, в хижине у печки сидела женщина с двумя бобрятами».

«ПОИСКИ СЛОВ»

По возвращении домой Серая Сова нашел у себя второе письмо Анахарео. Писала она, что оба они с Давидом живы, здоровы, но все золотые надежды на скорое обогащение рухнули. За двадцать восемь дней до их приезда участок Давида был закреплен за другим, и он действительно оказался богатейшим участком в краю. Обоим искателям золотого счастья пришлось работать на жалованье на том самом месте, которое считали за свою собственность. Пропало последнее Эльдorado Давида, и он сразу же сделался стариком. Потрясенный горем, вовсе разбитый, он теперь ушел назад, в свою страну Оттаву, чтобы сложить свои кости рядом с предками под поющими соснами. Анахарео теперь ждала только вскрытия реки, чтобы самой вернуться, – ранее июля этого быть не могло.

Итак, книга теперь для Серой Совы была не одним развлечением, а самым серьезным делом; от успеха этого рискованного предприятия зависел самый отъезд его с Джелли из этого чужого края. И, конечно, работа пошла горячая – как у хозяина, так и у его Джелли. Он работал над книгой теперь непрерывно, писал по целым ночам, выходя только за тем, чтобы пополнить запасы дров.

«Я, – говорит Серая Сова, – не претендовал и не претендую на высокие литературные достоинства – они недоступны мне – и ограничивался правильным распределением красок в словесной картине. Я чувствовал тогда, и теперь это чувствую, что если я при моих слабых знаниях буду обращать внимание на технические красоты, то мои мысли облекутся в железо, а не в мягкие одеяния, которыми природа покрывает даже самую мрачную действительность. Если я считал, что, поставив на первое место слово, которое должно бы стоять сзади, я лучше выражу мысль, то я делал это по тому же принципу, по которому часто удобнее рыть снег лыжей, а не лопатой, и выгодней бывает прокладывать себе путь через поросль ручкой топора, а не лезвием. Я, конечно, всегда с презрением смотрел на свой искусственный английский язык, но теперь, оказывалось, его можно было употреблять. Я извлек его из холодных складов, где он попусту у меня лежал три десятилетия, и, рассмотрев его при свете новых нужд, признал его до ужаса ограниченным в отношении количества слов. Нужно было его улучшить, и я часами воевал со справочниками по английскому языку. Из сборника стихов, из „Гайаваты“ Лонгфелло, [1] из „Песни Сурду“ Сервиса [2] я выкапывал стихи, подходящие к главам, предварять которые они должны были. Это мне сказали, давно вышло из моды, но мне нужно было высказаться, а до моды мне дела не было.

Груда рукописей выросла до внушительных и довольно угрожающих размеров. Я часто

Королева бобров. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru просыпался, чтобы внести изменения, постоянно делал заметки, и, чтобы добиться нужного эффекта в трудных местах, я читал их вслух Джелли, которая, обрадовавшись вниманию к ней и шороху бумаги, кружилась и кувыркалась в восторге. Я соорудил стол около койки, так что я мог, сидя там, добраться в любой момент до рукописи, набросать любую мысль, пришедшую в голову.

Когда я писал, Джелли преследовала свои цели и занималась чрезвычайно важными делами, как, например, перетаскиванием и перемещением предметов и мелкой домашней работой, вроде заделывания щелей под дверь или реорганизации кучи дров. Часто она садилась, выпрямившись, рядом со мной на койке и с напряженным вниманием смотрела вверх, на мое лицо, как будто пытаюсь проникнуть в глубину тайны, для чего я могу заниматься странным царапаньем? Она была любительницей бумаги, и ее внимание очень привлекал шорох страниц. Она постоянно воровала оберточную бумагу, журналы и книги, утаскивая их к себе в дом. Сидя на койке со мной, она то и дело добиралась до записной книжки и других бумаг, и мы по временам оживленно препирались, причем не всегда я выходил победителем. Однажды она достигла успеха, превышавшего, я думаю, всякие ее или мои ожидания. Я забыл поставить барьер между койкой и столом и, вернувшись с рубки дров, нашел все перевернутым, включая аппарат, лампу, посуду и книги. Она засвидетельствовала свое полное одобрение моим литературным опытам, утащив всю рукопись целиком. Только немногие листы моей работы валялись на полу: остального не было видно. Я посетил для обыска жилище преступницы, встреченный визгом страха и протеста. Однако я выставил ее вон и извлек рукопись вместе с закоптелой деревянной кочергой и куском проволоки, несмотря на безнадежные старания этой чертовки восстановить свои права на владение. К счастью, все, кроме одной страницы, нашлось. Джелли, несомненно, схватила всю стопку бумаги сразу мощной своей пастью, и потому она мало была повреждена. Зато все так перепуталось! Представьте себе около четырехсот перепутанных листов, убористо исписанных карандашом с обеих сторон, со вставками, приписками и заметками, вложенными в разных местах, с черточками, стрелками и другими каббалистическими обозначениями того, что за чем шло, а главное – непрономерованных, и вы только тогда поймете всю беду по-настоящему. У меня пропало три дня на приведение в порядок, а иногда и на переписывание рукописи. На этот раз я тщательно пронумеровал страницы.

Так мы двигали вперед книгу – Джелли и я, – и дело стало приближаться к концу.

Неуклонно моя мысль возвращалась на Миссисогу, ревущую между горами, увенчанными кленами, к громоподобному реву водопада Обри, падающему на красные скалы, к Гросс Кэпу с его отвесными гранитными стенами, с сучковатыми, скрюченными, убогими соснами, растущими на неустойчивых выступах, к темным пещеристым сосновым лесам, запаху увядающих березовых, ясеневых, тополевых листьев, ритмичному, заглушенному стуку весел о борт каное, голубому дыму, поднимающемуся от тлеющих углей слабых костров, к спокойным наблюдательным индейцам, расположившимся лагерем под красными соснами около быстрого потока.

И все время в душе моей жила болезненная тоска по простом добром народе, товарищах и учителях юных дней, чьи пути стали моими путями и чьи боги – моими богами; народ, ныне умирающий с голоду терпеливо, спокойно и безнадежно, в дымных жилищах, на обнаженных, ограбленных пустошах, которые им Прогресс определил для жизни. Я думал о маленьких детях, так жалостно умирающих, в то время как родители с окаменевшими лицами бодрствуют над ними, отгоняя мух, пока они, как маленькие бобры, не улетят на серых крыльях рассвета, которые уносят так много душ в Великое Неизвестное. И я вспомнил, что их положение, несмотря на весь мой ропот, бесконечно хуже моего, и почувствовал, что мое место – быть с ними, страдать, как они страдают, что я должен разделить их несчастья, как разделял когда-то их жизнь в счастливые времена.

Пришло рождество, которое мы провели вместе. Я думаю, Джелли получила удовольствие, потому что она так наелась, что на следующий день явно чувствовала себя плохо. Но мое одинокое празднование было пусто и несчастливо. Как бы там ни было, а я повесил бумажный фонарь под потолок, и, когда зажег свечу в нем, Джелли много раз смотрела на него, и потому я не чувствовал себя так уж вяло и нелепо, в конце концов. Я получил приглашение на Новый год и, оставив Джелли хорошо запертой с едой и водой в нагретой хижине, провел вечер и ночь в Кобано.

У всего города был такой праздничный вид, что он не мог не оказать влияния даже на самого кислого наблюдателя. Улицы были полны народу, одетого в лучшие свои платья. Звонили церковные колокола, люди ежечасно прибывали из лесов, распевая

Королева бобров. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru на улицах, и весь город был полон такой доброжелательной атмосферы, что никакая погода, даже самая бурная и свирепая, не могла бы проникнуть или заглушить ее. Музыка неслась со всех сторон, начиная с организованного разгула радио и до рева граммофона, и на морозный воздух летели пронзительные звуки скрипок, наигрывавших дикие ритмы жиги и „восьмерок“, [3] а также и искусные и запутанные танцы с разными па, в которых этот народ нашел выражение и выход для своих чувств.

Что-то мне показалось таким напоминающим внутренний общинный дух индейской деревни, что волна тоски по дому захлестнула меня, когда я проходил по узким улицам, обрамленным рядами деревьев. Но она скоро прошла, потому что меня приветствовали со всех сторон, пожимали руку, звали в дома, где я никогда не бывал раньше, и заставили принять участие в веселье, которым они наслаждались. Все это делалось безыскусственно, искренне и просто, и я совершенно забыл, что был мрачный полукровка, и в ответ отдал должное веселью.

Каждый дом был полон музыки, игр и смеха. Здесь не было заунывных, оупляющих „ритмов“ или эротических, сентиментальных нелепостей, а были веселые кадрили, чудесные старые вальсы, живые фокстроты. Каково бы ни было материальное положение хозяина, – давал ли он торжественный званый пир, или мог предложить не больше, чем жареную свинину или оленину и прекрасный французский хлеб, – гостя всегда спешили накормить доотвала и с добрыми пожеланиями подкрепляли на дорогу, пожалуй, еще и несколькими стаканами красного вина. Церемонным людям, если были такие, не было нужды рисоваться или принимать позы, потому что ничьи глаза на них долго не останавливались в этом здоровом, сердечном веселье, и многие солидные граждане теряли свое достоинство в эту ночь, возвращая его себе только утром.

На одном из этих вечеров присутствовал старый джентльмен, занимающий довольно видное положение в городе. Он под конец забыл свой возраст и сказал во всеуслышание, что он мог бы, как уверен, перепрыгнуть даже через дом (конечно, не через слишком большой), и рассказал, какой удалюю он отличался в молодые годы. Он поведал, как однажды, попав в засаду хулиганов, прорвался через целый нападавший отряд и перешел сам в наступление из-за их же прикрытий, нанося удары направо и налево так энергично и ловко (в этой части рассказа, оказалось, ему было необходимо несколько раз наклонить голову, как бы уклоняясь от удара), что враг обратился в бегство в ужасе и замешательстве, оставляя на месте упавших товарищей. Он так увлекся, воспроизводя доблестные деяния былых славных дней, что, покидая дом, надел чужое пальто и, будучи невысоким человеком, величественно шествовал по улицам в одеянии, слишком большом для него, с рукавами, доходившими почти до колен, и полами, волочившимися сзади него по снегу.

В другом доме был гость, тоже не здешний, как и я. У него был маленький грузовой фورد, на котором он разъезжал с места на место, нигде не селясь надолго, и, объезжая деревни, продавал швейные машины, сигары, поваренные книги и даже хорошие рецепты самогона. Лицо его было в шрамах; будучи близоруким, он носил очки с необычайно толстыми стеклами. Он надевал ковбойскую шляпу. На правой руке у него остался только один палец. Он и не думал скрывать свои физические недостатки или уменьшать их, как сделало бы большинство из нас, но щеголял ими, как счастливыми дарами. Судьбы, дававшими ему возможность оказывать удовольствие другим, не столь одаренным. При помощи этих недостатков он представлял, пел комические песни, играл на рояле шестью пальцами, изображая великих музыкантов, и танцевал на проворных ногах. Потому дамы были рады запечатлеть новогодний поцелуй на его несчастном, обезображенном лице, а мужчины – пожать изуродованную руку этого благородного, приятного в обхождении клоуна и все бывали огорчены, когда он уезжал, и желали успеха.

В полночь раздалась стрельба из всех видов огнестрельного оружия. Стреляли после каждого удара часов, а так как часы шли вперед или отставали, то залпы раздавались несколько минут. Хотя пули летали над озером во всех направлениях, никто особенно не тревожился, куда они упадут, потому что ни у одного доброго гражданина не могло быть причин оставаться вне города в эту ночь.

В разгар празднования и веселья я вдруг вспомнил о маленькой коричневой крошке, одиноко ожидающей меня в темной пустой хижине. И я ускользнул, не прощаясь, на лыжах по полному лесу домой, за Слоновую гору. За пакетом с земляными орехами, яблоками и конфетами Джелли также отпраздновала Новый год и

Королева бобров. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru наслаждалась, как я, а пожалуй, больше, – ведь у нее не было воспоминаний. Где бы и в каких бы условиях я ни находился, я никогда не забывал о своей миссии и, в случае успеха, о ее возможных результатах. Я никогда не переставал внимательно прислушиваться, изучая язык и задавая осторожные вопросы; я всегда был на страже. Я искал не только живых бобров, или, может быть, их шкуры или кости, но самого человека. [4] И часто я ходил, чувствуя ненависть к людям, которые должны были бы быть друзьями.

В конце февраля я отправил законченную рукопись и, освободившись, приступил к изучению слов с помощью книги синонимов и словаря. Я нашел, что слова увертливы и трудно уловимы. Но всякое слово, попавшее в книгу или журнал, было уже поймано, переходило в мою записную книжку, постоянно возобновлялось в памяти и перечитывалось. Я так усердно занимался этой записной книжкой и непрерывной охотой в непролазных джунглях книги синонимов, что по временам забывал об обеде. Я стал думать по словарю и пользоваться такими редкостными словами, что часто меня не понимали даже говорящие по-английски друзья. Со мною случались припадки рассеянности, и в конце концов я дошел до того, что взял бутылку с чернилами, желая набить трубку табаком, а в другой раз поймал себя на том, что хотел наполнить „вечное перо“ из жестянки с табаком.

У меня был знакомый юрист, часто меня посещавший, всегда с собою приносивший оживление, а иногда приводивший и веселую толпу своих друзей. Он редко приходил без подарка и однажды, заблудившись по дороге, появился глубокой ночью и возвестил, что недалеко по дороге оставил радиоприемник. Это была портативная модель. На следующий день мы притащили его из лесу со всеми принадлежностями. Машина для меня была таинственная, но юрист сам все наладил и сделал антенну, и в эту ночь лагерь, обычно тихий, был полон музыки.

Я, ради слушания через этот приемник, довольно легко преодолел свое отвращение ко всем видам машин, начиная с плугов и кончая железными дорогами. Скоро я сделал открытие, что приемник был неисчерпаемым источником слов. Скоро моя ночная компания состояла из дикторов, авторов, обозревателей книг, чтецов новостей по радио, политиков и других людей. Этот народ, а также книги Шекспира – все они дали свое для удовлетворения моего всепожирающего аппетита в погоне за средствами себя выразить».

«ПОБЕГ КОРОЛЕВЫ»

Ночные скитания для Серой Совы с давних пор имели неизъяснимую прелесть, за что, собственно, он и получил свое имя. (Уа-ша-Куон-Азин: Тот, Кто Ходит Ночью, – Серая Сова.) Эта привычка жить в темноте теперь очень помогала ему охранять Джелли, и в любой час ночи он мог легко ее разыскать. В промежутках между обходами и часами сна он изучал английский язык. Конечно, такое ночное изучение требовало большого расхода керосина, и оттого его долг в лавочке за керосин все возрастал. Но было много оленей вокруг, и оттого можно было сэкономить на одежде: Серая Сова носил теперь одежду из оленьих шкур и сам занимался их выделкой. Вот это занятие дубильным делом однажды привлекло внимание местного лесного сторожа, и он явился с письменным приказом наложить штраф. Когда же Серая Сова объяснил сторожу свое положение, тот понял, что произошла ошибка, и посоветовал написать в город Квебек. Вскоре было получено письмо от главы районного лесного управления, в котором начальник очень извинялся за причиненное беспокойство и тут же прилагал разрешение на право постоянной охоты. Так старый французский Квебек и тут в грязь лицом не ударил.

Во время новогодних празднеств Серая Сова познакомился с одной ирландской семьей, которая приняла его к себе в дом на положение близкого любимого родственника – сына или брата, – и ему тут было все так устроено, что он чувствовал себя совершенно как дома. С ними Серая Сова заключил дружбу на всю жизнь, и каждый приход Серой Совы здесь был сигналом для веселой вечеринки с музыкой и пением.

Однажды, вернувшись домой с такой веселой вечеринки, Серая Сова увидел, что дверь его домика открыта, а маленький товарищ зимнего уединения исчез.

Серая Сова обезумел от горя и тупо уставился на открытую дверь. Первый момент он думал о похищении и закипел гневом, но после внимательного осмотра мысль эту пришлось отбросить: Джелли ушла сама, разрешив наконец-то проблему открывания двери изнутри. Теплое солнце ранней весны манило ее из дому на возможную гибель от замерзания: вода еще не открылась, а в лесу снег был до четырех футов. Следы

Королева бобров. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru показали, что она отсутствовала целый день, и вели вдоль озера к ее осеннему игрушечному дому.

Не найдя отверстия во льду, она пошла вверх по течению ручья, но пробраться к воде нигде не могла. Ручей терялся в болоте, в лабиринте ольховых и кедровых деревьев и она тут, в лабиринте, блуждала во всех направлениях. Ее шаги делались все короче, а во многих местах она ложилась и долго пережидала. Под ней далее успевал подтаивать снег, и легко можно было понять, где ее застала ночь. Стало сильнее морозить, начала образовываться корка, отпечатки следов делались все менее ясными. Наконец слабые безобразные, косолапые следы лапок, с пальцами, обращенными внутрь, продолжая удаляться от дома, совершенно исчезли. Температура резко упала, а лапы и хвост бобра легко замерзают, совершенно искалечивая животное.

В эту ночь Серая Сова вовсе не возвращался в лагерь; до рассвета он обходил болото и все звал и звал свою Джелли. Последующие дни и ночи, кроме болота, он обыскивал овраги, ущелья. Наступил период нулевой температуры, нередкий ранней весной. Теперь уже Серая Сова знал, что если его маленький друг и миновал нападения таких врагов, как например, лисица, то без воды она должна за это время совершенно замерзнуть. В подтверждение этому он нашел в таком замерзшем состоянии дикобраза. После нулевого периода погода стала мягкая, и Серая Сова все искал, все искал хотя бы каких-нибудь признаков своей беглянки, искал далее возле таких озер, куда она никак не могла добраться. После двадцатидневных поисков Джелли лыжи отказались служить, потому что по мокрому снегу физически ходить невозможно, и все-таки Серая Сова ходил; он измучился, но выдерживал, а лыжи рассыпались. Но вот после нескольких дней проливного дождя хватил сильный мороз, и Серая Сова взялся хоть как-нибудь починить лыжи, чтобы, пользуясь морозом, обегать еще раз все места, где беглянка могла бы найтись хотя бы мертвой. И, только вышел Серая Сова из домика, вдруг увидел – что-то коричневое движется вдоль линии берега, в пятидесяти ярдах от него, и направляется к хижине. Никакого сомнения не оставалось: это в сильно потрепанном виде сама Хозяйка возвращалась домой.

В дни поисков, подобных таким, какие были у Серой Совы, люди как будто, сами не зная того, копят горе свое, как уксус, для того чтобы когда-нибудь посредством волшебных дрожжей переделать его в самое чудесное вино и тут же все сразу и выпить. Так пьяной радостью, созданной из своего собственного же горя, встретил Серая Сова свою Королеву. Она же как ни в чем не бывало наелась до отвала и проспала двадцать четыре часа. Позже Серой Сове удалось найти то место, где инстинкт безошибочно подсказал ей воду в почти пересохшем ручье; там она и сидела, в этой норе, под снегом, пока дождь не образовал течения, по которому она спустилась в озеро и вышла на волю через полоску открытой воды.

Вскоре вскрылось все озеро, и Королева ушла из лагеря Серая Сова опасался, что она теперь станет шататься далеко по окрестностям в поисках супруга и, когда найдет, не вернется. Но это предположение оказалось неверным: она отправилась вверх по озеру, завладела там одной норой и в то же время не забывала лагерь, – за ночь она Серую Сову посещала несколько раз. Часто, завидя каное Серой Совы, она плавала рядом, а раз даже вскарабкалась на борт и шлепнулась внутрь. После того она стала проделывать этот прием постоянно и разнообразила его тем, что забиралась на корму и оттуда, с высоты, бросалась в озеро.

Иногда она устраивала разные шутки с Серой Совой: покажет ему направление, и он поплывет, а она нырнет и вдруг окажется совсем в другой стороне. А когда он подьедет, начнет кувыркаться, как бревно, на воде, крутиться, так разбрасывать брызги, что они попадали ему в лицо. Иногда она дурачилась таким образом долго, полчаса и больше, играя с хозяином. А то, бывало, на быстром ходу каное она нырнет неглубоко и думает, что скрылась, а Серой Сове даже видно, с каким напряжением работает у нее каждый мускул, какие она тратит усилия, чтобы перегнать его и появиться на поверхности воды впереди. А когда он ее догоняет, она проделывает то же самое вновь и так движется вместе с каное все дальше и дальше.

Она часто давала сигналы пронзительным криком на высокой ноте, слышным за полмили. И если тем же самым звуком и он звал ее, то редко не отвечала. Еще любимым развлечением ее было схватить хозяина своими руками около запястья и, прижав к груди, стоя, толкать то от себя, то к себе в напряженном усилии его опрокинуть. Иногда она откидывалась назад, чтобы сильно дернуть вперед и

Королева бобров. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru заставит хозяина потерять равновесие. Теперь ведь она уже весила двадцать фунтов, у нее был крепкий костяк, сильные мускулы. Впоследствии Серая Сова узнал, что ничего особенного не было в этих забавах бобра с человеком: это самые обычные развлечения каждого бобра. Замечательно другое: она предпочитала оставаться в обществе человека, в то время как в каких-нибудь трех милях жили легко ей доступные сородичи.

«ПРИХОД РОУХАЙДА»

Как раз перед тем как распуститься листьям, Серая Сова поставил капкан в ручье на безобразного разбойника – выдру, в помете которой он нашел бобровые волосы.

«Так ведь, – думал он, – в ее зубы может попасть и доверчивая, жизнерадостная Джелли», и поставил капкан на выдру. А однажды утром он заметил, что капкан куда-то исчез. Заглянув под бревно, там внизу он заметил хвост бобра, а когда потянул за цепь, почувствовал сопротивление и потом вытащил живого бобра. Захлебнувшись водой, испуганный до полусмерти, он почти и не пробовал защищаться, дозволив посадить себя в джутовый мешок. У него была сильно повреждена задняя, самая важная для плавания нога, и оттого Серая Сова, прежде чем отпустить его на свободу, решил попробовать полечить. Первые сутки бобр прятался от Хозяйки, выходил только попить и совсем ничего не ел. В конце же суток он вышел на середину комнаты, до крайности подавленный чувством страха. В руки он никак не давался, но позволял с собой разговаривать и не отказался от яблока. Когда же Серая Сова провозился с ним всю ночь, то добился такого успеха, что бобр начал обходить комнату, – правда, хромая, – изучая все последовательно, включая и дверь, которую вовсе и не пытался даже погрызть. В ходе исследования он открыл койку, вскарабкался на нее по сходням, сделанным для Джелли, признал ее очень удобной и с тех пор и ел и спал на ней, спускаясь только для личных надобностей, – чтобы разложить напиленные чурбачки или же принять ванну. Спал он между подушкой и стеной, но среди ночи начинал тосковать, перебирался спать под руку Серой Совы, а утром до рассвета опять уходил к себе за подушку.

Хотя погода и продолжала оставаться холодной, печку топить Серая Сова остерегался, в такую ярость приводил бобра шум этой печки. Даже табачный дым заставлял его часами скрываться. Занятие перевязкой ноги было чрезвычайно трудное. Она распухла до ужасных размеров, и две кости плюсны проткнули кожу. Зубы его от попыток перекусить капкан расшатались, и нужны были недели, чтобы они могли снова служить. Оторванная часть скальпа высохла и свисала с головы. Серая Сова отрезал эту кожу и дал при этом кличку бобру «Роухайд» («Роухайд» значит «Ободранная Кожа»).

Целых две недели Серая Сова возился над спасением ноги Роухайда, но ничего не добился; и только пиявки, гроздьями присосавшиеся к ране, сделали то, над чем долго ломал себе голову человек.

Трудно сказать, что именно повлияло: внимательный ли уход, или, может быть, одиночество, но только животное очень скоро и сильно привязалось к Серой Сове, – Роухайд ковылял за ним по пятам, кричал громко и жалобно, когда он отлучался. Эти звуки однажды привлекли внимание Хозяйки. Увидев в своей хижине чужого бобра, она с такой силой бросилась назад, что о закрытую за ней дверь чуть-чуть не сломала себе шею. Когда же одумалась, то стала внимательно разглядывать гостя и, поняв, что он калека, решила, что его следует просто побить. С большим трудом разнял Серая Сова сцепившихся врагов и стащил свою вояку в озеро, где она продолжала беситься. Да и как не беситься, если она – Королева и Хозяйка, а тут появился какой-то непрошенный чужак, тоже, наверное, с какими-то своими правами! «Знать ничего не хочу!» говорил весь ее вид, и с тех пор Серая Сова стал от нее дверь держать всегда на запоре.

Когда пациент Серой Совы оправился, не без чувства огорчения пришлось пожелать ему счастья и отпустить на свободу. На другой день, направляясь к жилищу своей царственной Джелли, Серая Сова заметил бобра и позвал его. Животное ответило на крик и поплыло к каноэ. С изумлением и радостью Серая Сова узнал своего калеку, который поплыл вслед за каноэ и потом, когда хозяин вышел на берег, потащился за ним в лагерь. Полежав немного на оленьем коврикe, похныкав, поласкавшись немного об руки, он ушел назад к себе в озеро. Это он продолжал делать и дальше; иногда с некоторой помощью влезал на колени к Серой Сове и усердно занимался тут мокрым своим туалетом. Можно ли это назвать благодарностью? А если нельзя, то как назвать это чувство животного, заставлявшее всюду ходить за человеком по пятам до тех пор, пока другое животное, по ревности своей, не отгоняло его? Да,

Королева бобров. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
Королева была безумно ревнива и не позволяла даже близко подходить к лагерю, когда сама была дома. Не раз она преследовала его далеко вниз по ручью. Но он был тверд и возвращался.

Несмотря на ее злость, он бегал вслед за ней везде, прихрамывая на поврежденную ногу и издавая жалобные звуки. Казалось даже, что он с трогательной настойчивостью добивается ее близости как вернейший ее поклонник. Складывалось у Серой Совы даже и такое понимание, что, умирая с тоски по дружбе, вечно отвергаемый Джелли, он именно потому так и тянулся все к человеку: деваться больше некуда. Однажды он до того осмелел, что после нескольких неудачных попыток вдруг ввалился в каноэ в то самое время, как в нем на своем царственном троне восседала сама Королева. Ну и задала бы она ему трепку, если бы не вступился Серая Сова! Все подобные необычайные поступки Роухайд совершал так бессловесно-покорно и вместе с тем с таким спокойно-решительным видом, что Серая Сова всегда становился на его сторону против самоуверенной Джелли. Своей спокойной настойчивостью, непреклонной решительностью, действием скрытой в нем какой-то силы Роухайд преодолел одно за другим все препятствия, везде выдвигаемые новой средой, и, наконец, нашел свое место, получил свою власть и стал не просителем, а вождем.

Хозяйка продолжала дружить с Серой Совой, как дружат иногда равные. Они были грубыми и беспорядочными товарищами по играм, старыми сожителями, могли позволять себе разные вольности и расходиться в разные стороны, кому куда захочется. Но Роухайду для полного его счастья надо было только немножко доброты. Он был так же нежен, как прикосновение ночного ветра к листьям. И в то же время Серая Сова однажды видел своими глазами, как, разъяренный слишком затянувшимся злобным преследованием Хозяйки, он так встряхнул ее, как будто она была только бумажным мешком.

И, возможно, эта Королева дожила до наших дней благодаря только Роухайду.

Какой-то негодяй-бобр, старый и умный, очевидно из какой-нибудь разоренной охотниками колонии, обозленный несчастьем, блуждал вокруг лагеря. И однажды он спустился в самый лагерь, и ему захотелось у двух чужих ему бобров отнять все их имущество. Когда Серая Сова вернулся домой, Джелли лежала на земле возле лагеря. Тонкий след крови вел к двери, но она, должно быть, была слишком слаба, чтобы пойти, и потащилась назад к берегу, чтобы подождать там возвращения друга. Горло у нее было разорвано и обнажено, нижняя губа почти оторвана, обе руки прокушены, распухли и были никуда не годны; хвост тоже насквозь прокушен около корня почти на дюйм. Оставалось только как можно скорее дезинфицировать раны. Она лежала при этом инертная, с закрытыми глазами, и тихо стонала, а кровь медленно стекала на ту самую землю, где она утверждала свою власть.

Всю ночь просидел около нее Серая Сова и время от времени кормил ее молоком из той самой спринцовки, которая когда-то один раз уже помогла ее спасти. К утру, как показалось, в ней ожили скрытые источники жизни, и она медленно, с мучением поползла в хижину. Весь день она оставалась в хижине, выпила большую часть молока из двух банок и ночью, очевидно находясь на пути к выздоровлению, ушла. Только волшебные восстановительные силы диких животных помогли ей спастись. Целую неделю она не выходила из своей норы, не отвечала на голос. По разным признакам, найденным около озера, и по всему, что произошло, можно было догадаться, что посетитель был колоссальных размеров, и, несомненно, она была бы убита, если бы находилась одна. Роухайд тоже имел знаки встречи не меньшие, и на основании уж неоднократно проявленных им способностей Серая Сова был уверен, что только его участие решило исход этой битвы.

С этого дня оба бобра стали жить и действовать в совершенном согласии. Но зато, поняв по себе, какую боль, какие страдания могут принести посторонние существа, Королева всех их предала анафеме. Теперь гости, желавшие поглядеть на бобров, желавшие любоваться красотой меха, выразительностью глаз, благородством очертания головы и т. п., имели право стоять только на определенных местах. Малейшее сопротивление с их стороны вызывало неприятности. Между тем она претендовала и на берег, и на озеро, и на каноэ. Даже лагерь – она, кажется, воображала, что сама его выстроила: выгоняла людей из него, гнала их по дороге.

Бобры усердно работали над прудом и его окрестностями, и без них он скоро превратился бы в мелкую, жалкую большую тинистую лужу. Их присутствие каким-то образом всему сообщало жизнь; сама долина приобрела жилой вид, что может вообще

Королева бобров. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru сделать только один человек. И действительно, бобры, обжившие долину, понемногу вслед за собой стали привлекать и человека. Много людей стало ходить сюда только за тем, чтобы поглядеть на бобров. Некоторые из проходящих, люди с поэтическим инстинктом французов, стали в честь бобров давать имена местности. Так, холмы, сбегавшие от высокой вершины Слоновой горы и собравшиеся вокруг озера, стали называться холмами Джелли Ролл; пруд стал озером Роухайда, а лагерь – Бобровым Домом.

Так все три деятеля долины, человек и два бобра, официально попали в местную летопись, утвердились во владении и работали над улучшением своего имени. Бобры прочищали водные протоки, места для выхода на берег, строили дом и постоянно поддерживали плотину в полном порядке. Сам же Серая Сова делал завалинку у своей хижины, законопачивал щели в стенах и выравнивал двор.

Около своего дома бобры устроили себе площадку для игр, на которую нога ни одного человека, кроме Серой Совы, не смела ступить. Джелли однажды так преследовала трех гостей, что два из них убежали на высокий холм, а третий взлез на дерево. После этой победы королева стала в центре площадки, трясла, крутила головой, непрерывно весело кривлялась: так обыкновенно бобры выражают свое удовольствие после какой-нибудь удавшейся шутки.

«ДЖЕНТЛЬМЕН С СЕДЬМИ ВОЛОСАМИ»

Так вот и шло время в постоянных тревогах, если смотреть на все со стороны человека, а если смотреть на бобров, то все шло к росту и благополучию: они достигли уже трех четвертей своего полного роста и были могучие звери. В разгар браконьерского периода тревожные слухи дошли до Серой Совы, и он, от греха, запер своих бобров в хижину. В первую же ночь, проведенную в лагере, они подгрызли стол, разломали часть пола, опрокинули ведро с водой и разбили окно. Способ, каким они добрались до окна, достоин внимания зоопсихологов. Вот как это вышло. На полу вдоль одной из стен лежал шест для каное длиной в восемь футов, с железным наконечником. Серая Сова заметил, что они с этим шестом играли, но мало обращал на это внимания, пока, наконец, зачем-то они не взяли вдвоем и не потащили шест по полу тяжелым концом вперед. Когда Джелли дошла до противоположной стены, она стала там на задние ноги, а шест подняла высоко над головой. В то же время Роухайд на противоположном конце продолжал движение и, толкнув железным наконечником с силой вперед, разбил окно. Не нужно думать, что бобры знали свойство стекла биться. Нет, их цель была в устройстве помоста, по которому можно бы взобраться и закупорить отверстия, по их убеждению, существовавшие в окне. Таков был этот замечательный случай настоящей совместной работы бобров с точно продуманным планом действий.

Серая Сова, внимательно наблюдавший подобные случаи, все посылал и посылал свои очерки о бобровых повадках своему издателю, и тот это все безотказно брал. В последнем письме своем этот издатель сообщал, что описания жизни бобров побудили его сообщить о них Управлению национальными парками департамента внутренних дел в Оттаве в надежде, что деятельность бобров можно снять на кинолентку. Почти немедленно вслед за письмом к Серой Сове прибыл один служащий Управления национальными парками, джентльмен с пышными седеющими волосами стального цвета. У него было острое, но доброе лицо с пронизательными голубыми глазами, смотревшими из-под косматых шотландских бровей до смущения пристально. Он сообщил Серой Сове, что хотя он лично совершенно уверен в правдивости его рассказов, но прежде чем приступить к дорогостоящим операциям по съемке, он должен на все посмотреть своими глазами. И он сам говорил, что приготовился увидеть нечто необычайное, но когда Серая Сова привел его на озеро, усадил в каное и позвал бобров, джентльмен пришел в совершенное изумление. Началось с того, что бобры, услышав голос своего друга, незаметно для гостя поднялись на поверхность, неожиданно высунулись из воды возле него, вскарабкались в каное и уставились на гостя, тщательно его изучая. Они испачкали его платье, но он не обратил на это никакого внимания; главное, он сразу же убедился, что рассказы Серой Совы о бобрах были совершенной правдой.

Гость остался на два дня, и все это время бобры находились или внутри, или около хижины. В конце концов джентльмен признался, что виденное им ни с чем не сравнимо и что нужно немедленно же принять меры, чтобы эта сказка не развеялась от какой-нибудь случайности. Серая Сова при этом рассказал ему, что душой всего дела были Мак-Джинти и Мак-Джиннис. Выслушав эту историю, до крайности растроганный джентльмен сказал, что подобное больше не должно повториться.

Королева бобров. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
На что намекал этот седой джентльмен? Ничего определенного в этот свой приезд он не сказал и только просил приготовиться к встрече кинооператоров. Меньше чем через неделю загудели киноаппараты, а Джелли и Роухайд плавали, ныряли, ходили, бегали, таскали палки, влезали в каноэ и, кроме того, проделывали тысячи всяких фокусов, которых, кроме Серой Сова, на свете еще, может быть, никто не видал. Все это и послужило для первого на всем свете фильма «Бобровый Народ».

Трудностей по съемке бобров было множество. Один оператор, в своем энтузиазме, провел много времени, стоя в воде и глине, а однажды даже погрузился в воду по грудь. Но он мало знал о бобрах, а Серая Сова еще меньше этого понимал что-нибудь в технике съемки. Сами бобры много помогали они целыми днями охотно позировали, и вся трудность состояла только в том, чтобы удержать их на соответствующем месте.

фильм вскоре был выпущен. Картину встретили овациями по всему доминиону, и было решено показать ее во всех других странах. После того опять приехал седой джентльмен с новым и совершенно особенным предложением Серой Сова было предложено работать над бобрами под покровительством доминиона и за определенное жалование. Бобрам гарантируется безопасность на всю жизнь, судьба их не будет зависеть от каких-либо политических перемен, и они никогда не будут служить материалом для каких-либо экспериментов. Управление бобрами, точно так же как и увеличение их числа, будет находиться исключительно в руках Серой Сова. Будут даны также все возможности развивать дело охраны природы в том именно направлении, как думает об этом Серая Сова, и без необходимости бороться за материальные средства. Мало того! В предложении было предусмотрено, что для Анахарео будет выстроен дом, какой ей вздумается, что бобры будут снабжаться таким количеством яблок, сколько им только захочется. Вот за эти последние удобства Серая Сова должен будет нести некоторые обязательства, а именно: он со своими бобрами должен помогать изучению дикой природы и биологии, предоставлять все, что может, для исследований ученых-специалистов. Ожидается, что вклад, вносимый Серой Совой со своими бобрами в дело распространения среди публики знания жизни национальных животных, будет делом государственной важности и, в свою очередь, будет побуждать к развитию дела охраны природы. Таким образом, Серая Сова, потомок воинственного племени индейцев, неукротимых в лютой ненависти к цивилизации белых господ, должен теперь стать слугой правительства Канады.

Седой джентльмен, делая свое предложение, сумел тонко внушить Серой Сова, что он чрезвычайно расположен к индейцам, что он действительно друг животных и всей природы. Седой джентльмен сумел для своей дипломатии воспользоваться тоном такого дружелюбия, такого почти родственного внимания, что Серая Сова не выдержал и рассказал обо всем, что лежало бременем у него на душе. Он рассказал о своих идеях и целях и о жестокой борьбе, выдержанной за их выполнение. После окончания этой исповеди седой джентльмен кратко сказал:

– Вы тот, который нам нужен.

И с бесконечным тактом дал понять, что от согласия Серой Сова выигрывают только бобры.

Распростившись на станции с гостем, Серая Сова пошел в глубокой задумчивости назад к себе, за Слоновую гору.

Вот как он сам рассказывает о своей борьбе за свободу и как она ему теперь представилась, эта вечно носимая в индейской груди столь желанная свобода.

«Кроме скитания по лесу, – пишет Серая Сова, – и работы проводником, я никогда ни у кого не служил. Теперь же, поступив на службу со всеми ее многочисленными выгодами, мне казалось, я совершенно откажусь от свободы, и тут будет конец моим лесным скитаниям. Мне это представлялось слишком решительным, несколько пугающим и неожиданным. Но, с другой стороны, раз я должен был оставаться верным своим обязанностям, добровольно взятым на себя при достижении цели, то я должен был отбросить всякие мысли о личной свободе. Два факта стояли передо мной повелительно ясно, как свет: первое – самая головка намеченной цели сейчас была в моих собственных руках; второе – оба маленьких друга избавлялись от возможности несчастья и гибели от охотников. Вот что было ясно, все остальное ничтожно.

Королева бобров. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
Итак, наконец, я окончательно решил и тут же стал, быть может, свободнее, чем когда-либо был.

В своем согласии принять предложение и предоставить бобров и себя в распоряжение Национального парка Канады я просил, чтобы никогда не разлучали бобров и меня и чтобы разрешено было взять Мак-Джинти и Мак-Джинниса, если я их когда-либо найду.

Оба требования были приняты.

Так вот пришло исполнение моих долгих желаний, и пришло так, как мне и не снилось».

В то время как все было решено и Серая Сова стал собираться к отъезду, наступала мало-помалу зима, и он, имея сказочные планы охраны Бобрового Народа впереди, вовсе выпустил из виду, что в действительности в жизни наступает зима со всеми своими неуловимыми последствиями. Когда все было уложено и готово к отъезду, оставалось только взять самих героев, самих действующих лиц, из-за которых все и происходило. И что же? Наступила зима, и герои ушли под лед зимовать в своем собственном доме. Они были теперь для Серой Совы совсем недоступны и дальше от него, чем сам Китай.

«ТАЙНА ОНДАТРЫ»

Странное и унылое положение – зимовать на берегу озера совершенно одному, без всякой даже возможности общаться со своими маленькими друзьями и ни в коем случае не иметь возможности серьезно куда-нибудь отлучаться: охотников на бобров везде множество. Кроме того, постоянно мелькала ужасная мысль, что совершенно взрослая пара бобров могла одичать, уплыть по весеннему паводку неизвестно куда и пропасть точно так же, как пропали Мак-Джиннис и Мак-Джинти.

Много раз теперь Серая Сова совершал паломничества к высокому домику на дальнем конце озера, засыпанному снегом. Часто говорил он в отверстие для воздуха знакомые слова и фразы, которые раньше всегда вызывали странные кривляния и крики радости. Теперь оттуда ничто не отвечало, и голос разносился в пустоте. Под белым коническим холмом, высоко стоящим над торфяным болотом, была все-таки жизнь, и два пушистых круглых тела лежали в глубоком сне. Они спали под надежной охраной, но Серая Сова знал, что, если он почему-нибудь снимет эту свою охрану, им не дожить до весны. И при одной только мысли о возможности опасности какого-нибудь нападения на них Серая Сова чувствовал, что в борьбе с врагом он готов не только эту свою жизнь отдать, но и заложить всю свою будущую жизнь.

Всегда готовый к такой борьбе, Серая Сова однажды пришел проверить бобровую хатку и на тонком льду возле нее нашел вырубленное топором отверстие. Сильная буря совершенно смела все следы на болоте. Счистив с отверстия снег, Серая Сова нашел там красное пятно – кровь.

В какие-нибудь пять секунд промчавшихся, как одно мгновение, Серая Сова стал таким же диким, как его предки, и все свои ожившие способности обратил на одну охоту – на вышую, на охоту за человеком. Не на открытом пространстве, где буря с ног человека сбивала, а под кровом леса он нашел признаки. И несомненно было, что кто-то хотел запутать человека, который пойдет по следам. Беглец знал свое дело, но все-таки и недостаточно хорошо его знал. Лыжа, врезаясь глубоко в снег при подъеме, делает такие отпечатки, какие не может занести и множество метелей. И этому делу зарубцевания самой метелью следов нельзя подражать: человек искусственно так никогда не сделает.

К счастью для всех участников этого дела, они ушли часа на два раньше прихода Серой Совы и теперь находились где-нибудь в безопасности, дома. По разрозненным признакам следопыт кое о чем догадался, позднее кое о чем расспросил, и так мало-помалу лицо было найдено. Целых две недели Серая Сова страдал в проклятых душевных муках, строя планы, тщательно и хладнокровно продуманные. И после долго эта картина мщения не раз беспокоила мирный сон Серой Совы.

Но случилась оттепель, и на некотором расстоянии от бобрового домика открылось искалеченное тело ондатры, очевидно убитой совой, потому что голова была оторвана и шкура содрана. И как раз в это время подозреваемый человек, – может быть, кое-что и услышав, – пришел и рассказал, что он раскопал нору ондатры около бобрового домика, чтобы достать себе воды, и тогда заметил кровь.

Королева бобров. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
Сообразив, какие могут быть из этого сделаны выводы, он побоялся зайти и сказать Серой Сове, а понадеялся на бурю и утек.

Услышав этот рассказ, Серая Сова признался себе, что он немножко перестарался.

«ИСТОРИЯ ДАВИДА»

С этого раза Серая Сова применил тот же метод дозора, каким пользуются у нас крестьяне, когда находят медвежью берлогу. Сделав медвежью берлогу центром, они описывают вокруг нее на лыжах круг и до тех пор, пока не кончится торг с охотниками о шкуре неубитого медведя, ежедневно совершают по своему следу обход, во время которого можно открыть даже мышшь, если она вздумает переместиться через заветный круг в сторону медведя.

И вот однажды, когда Серая Сова возвратился из своего обычного дозора, он нашел в своей хижине ожидавшую его Анахарео! Оказалось, она прилетела сюда со своих золотых россыпей на самолете. Узнав о таких превосходных новостях, Анахарео потеряла интерес рассказывать обо всех своих неудачах.

– Погуляла по белому свету, – призналась она.

И в свете предстоящей новой жизни все это стало казаться ей просто жизненными мелочами. Только не могла, конечно, она не рассказать печальную историю бедного Давида.

Какой-то человек, из тех, кто без просьбы лезет в чужие дела, озабоченный идеями развития и просвещения диких умов, усерднейшим образом растолковал Давиду, что взлелеянная им мысль об обширных нетронутых охотничьих участках, существующих где-то далеко за северным горизонтом, – иллюзия; что белые люди проникли в самые глухие места дикой страны и добрались до конца и не нашли ни бобров, ни сосен; все это – один миф. Никому до сих пор в голову не приходила мысль тревожить веру простого человека. Но этот тупой реформатор не погнушался трудом, чтобы убедить свою жертву: нет на свете страны непуганых птиц и зверей. И добился успеха, целыми месяцами угощая его ядом с древа познания. Хотя и существовали, и сейчас существуют, основания для подобных мыслей, Давид только наполовину в них верил; но эта жестокая и полная утрата иллюзий в соединении с потерей богатства, чуть-чуть не полученного, безжалостно потрясла его карточный домик. Его мечты разбились вдребезги, его последняя надежда исчезла, и он погрузился в меланхолию, из которой не мог уж больше выбраться. Жизненный источник в нем иссяк, и он стал увядать и сохнуть. Его возраст сразу навалился на него и превратил в изношенного, несчастного старика.

И однажды ночью, незадолго до листопада, он пришел попрощаться с Анахарео. Он отправился домой. И в каноэ, последнем даре Серой Совы, с маленьким снаряжением, своим возлюбленным ружьем и воспоминаниями, он уплыл в тихую лунную ночь по пути к местам детства – с разбитой душой, без надежд и одинокий.

«ПРИШЛО МОЕ ВРЕМЯ»

Так зима проходила не без событий. Книгу приняли, издали слово в слово, изменив только название. Последовали многочисленные и интересные результаты. В банк на текущий счет Серой Совы начали просачиваться маленькие деньги.

«Мои статьи, – пишет Серая Сова, – начали появляться в разных органах печати. Некоторые издатели любезно хотели вносить в них поправки, заменяя ошибочные выражения более соответствующими правильному словоупотреблению. Но эти изменения, как мне казалось, как-то нарушили то впечатление, которое я пытался произвести, и, не будучи в состоянии сам достигнуть лучшего, я решительно протестовал. После оживленных и всесторонних прений по почте (забавных и вполне безопасных) с моими требованиями соглашались, – возможно, больше для того, чтобы положить конец переписке, а не по другой причине. Я представляю, как некоторые мои письма по этому поводу выносились из редакции щипцами и с чувством облегчения бросались в печь для кремации.»

Несомненно, меня спасало только то, что я был любителем, а не профессионалом. Да и издатели к тому же, в конце концов, не были уж такими плохими ребятами.

Я получил много газетных заметок. Большинство обозревателей прессы, понимая, быть может, отсутствие у меня знания техники писания, были добры и снисходительны и даже хвалили. Некоторые из них, возможно, желая увидеть, как

Королева бобров. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru далеко я могу пойти, ободряли меня и советовали продолжать. В некоторых американских и английских газетах напечатали сочувственные статьи в несколько столбцов. Приходили письма из Германии, Австрии, Лондона и Нью-Йорка. Канадский университет в Онтарио – моей родной провинции – дал свое одобрение. Я находился в приподнятом настроении духа, но и в некотором страхе: я начал что-то большое. Я послал стрелу наугад в воздух, и она вернулась назад в пышном оперении. Один или два критика (хотя, впрочем, я должен быть более точным и сказать: один критик), очевидно, несколько шокированные тем, что какой-то некультурный обитатель лесной глуши, с заведомо туземной кровью, осмеливается выйти из подобающего ему положения и членораздельно говорить, – были более суровы. Они, казалось, сочли за личное оскорбление, что нашлись два существа, не просвещенные благами официального образования, знающие многое такое, чему не обучают в учебных залах, и выражали сомнение в нашем знании того, о чем сами-то они могли иметь только смутное представление.

Затем появилось жестокое и самое болезненное обвинение, что почти весь текст моей книги был продиктован духом какого-нибудь писателя. Это было несправедливое обвинение, и я пережил несколько неприятных минут. Значит, это не я писал книгу, а два каких-то других молодца из Утики в штате Нью-Йорк, или какой-нибудь человек из Абердина? Ну, хорошо! А мое пыхтение над книгами, мое выуживание слов даже по радио и договоры вот с этим самым словарем синонимов! Впрочем, и Шекспир имел, кажется, те же неприятности с человеком по имени Бэкон, [5] и все-таки он вполне хорошо справлялся с писательским ремеслом. Что касается намека, сделанного немного презрительно, что я должен был иметь некую более высокую эрудицию для выполнения любого труда, что я, наверное, как-то обманываю, что я в действительности самозванец, выдвинувшийся из своего класса, то опять-таки мне удачно приходит на помощь Эмерсон.

Они не могут представить, какое право видеть имеете вы, чужестранец, как вы могли увидеть, и говорят: „Значит, он как-то своровал свет у нас“. Они даже не понимают, что свет без системы упорно льется во все хижины и даже в их.

Я был очень утешен мыслью, что всегда найдутся отдельные такие люди, которые не станут на нас смотреть через свою щель, рассаживать по категориям в отдельные ящички и запирают в них.

Другими словами, пришло мое время.

Были и другие последствия. Моя переписка разрослась до угрожающих размеров. Мир, оказалось, был полон чудеснейших людей, и некоторые письма заставили почувствовать, что я, наконец, из положения разрушителя перешел в ряды творцов, хотя и меньшего калибра. Эти выражения одобрения делали нас обоих очень счастливыми. Теперь уж мы больше не кричали бессмысленно во мрак ночи. Наши задачи признавались вполне здоровыми и разумными. Некоторые из просьб были немного неисполнимы. Какая-то дама из Чикаго, мужа которой посадили в тюрьму, настаивала, чтобы мы поменьше энергии тратили на животных, и предлагала в качестве альтернативы, [6] чтобы мы ее приютили, пока заблудший супруг не будет освобожден; это, по ее мнению, будет достойной попыткой уменьшить страдания человечества.

Появились репортеры, прощупывавшие нас деликатно насквозь. Мы были приглашены на съезд в Монреале, и предполагалось, что я буду говорить. Убедив Анахарео отправиться со мной для известной моральной поддержки, мы организовали группу друзей для охраны бобров и уехали вдвоем.

С этих пор я начал встречаться с защитниками природы, профессиональными и действительными. Истинных можно узнать безошибочно, и я вступил в ценное и высокопоучительное общение со многими, причем не с малым числом, – оно до сих пор продолжается.

Было и гнетущее подозрение, что многие не интересовались делами, если не слышали за ними заглушенного шелеста денег. Потому появился грустный страх, что левые руки у большинства этих джентльменов отлично уже наперед знали, что будут делать правые. Слушая их разговоры, я начал понимать разницу между доверием и доверчивостью в делах. Мне стали понятны слова автора комедии, что доллар никогда не падает так низко, как низко падает человек, чтобы его получить.

Но больше мне пришлось соприкоснуться с искренними и серьезными людьми,

Королева бобров. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru относившимися к дикой жизни очень сердечно, и я установил многие связи, бывшие источником вдохновения и послужившие основой для дружбы. Я получил несколько коммерческих предложений от групп, которые, будучи честными в своих намерениях, хотели войти в это рискованное предприятие, полагая, что я стану богатейшим владельцем пушной фермы.

Они смеялись с видом знатоков, когда я говорил, что совершенно не собираюсь коммерчески пользоваться тем, что со временем накопится благодаря знанию.

Были и другие предложения, но никто не мог предоставить бобрам такую охрану, какую гарантировало Управление национальными парками».

«ПРОБУЖДЕНИЕ СПЯЩИХ ГЕРОЕВ»

В письмах из Оттавы сообщили Серой Совае, что его Королева, Джелли Ролл, и ее друг Роухайд привлекли широкое внимание публики не только здесь, но и за границей, за океаном. А в то время как слава гуляла по свету, сами прославленные лежали себе и похрапывали в своем замке из замерзшей глины. Бывают же на свете такие чудеса!

В марте Серая Сова и Анахарео решили принять какие-нибудь меры к пробуждению спящих счастливых. Начали с того, что прорубили дыру во льду около пищевого склада, и тут обнаружили пустоту. Стали пополнять склад свежими ветками березы, тополя, ивы. И хотя бобров не было видно, ветки исчезали.

Пришел апрель, и с ним настали теплые дни. Снег таял, лед размяк. Наступил критический момент в отношении к бобрам: или, одичавшие, они уплывут по весеннему паводку, или вернутся к людям, определившим себя на службу Бобровому Народу. Серая Сова серьезно опасался, что дух независимости их возьмет верх над привязанностью к человеку. Однако он ни одной минуты не позволял себе быть нерешительным и вообще ставить свои действия в зависимость от того или иного будущего поведения бобров. Он составлял и заполнял накладные для отправления бочек и ящиков, как будто совершенно уверенный, что когда бобры проснутся, то придут и тоже будут отправлены по железной дороге. Из своего большого опыта с животными он вывел себе правило никогда ни в чем не быть нерешительным: он подозревал, что животные каким-то шестым чувством своим понимают нерешительность человека и это состояние используют для своей дикой независимости.

Мало-помалу все имущество, кроме самого необходимого, было перевезено на станцию: так были сожжены мосты за собой, и оставалось приступить к решительным действиям. Около домика во льду были прорублены два отверстия и в них положены ветки ивы и тополя, уже покрытые свежими почками. На провизию набрасывались голодные ондатры, но веток хватало для всех: их все клали и клали в изобилии.

Наблюдение за отверстиями было поочередное в течение круглых суток. Почти только через неделю, во время своего дежурства, Серая Сова, наконец, заметил рябь и большие пузыри от проплывшего бобра. Прежде чем взять ветку, бобр несколько раз проплыл вокруг отверстия, но так далеко, что рассмотреть его было невозможно. Очевидно, бобр остерегался нападения какого-нибудь врага через отверстие. Тогда Серая Сова положил приманку на середину отверстия, чтобы бобр мог всю ее рассмотреть. Но до темноты ничего не было взято.

Погода сделалась теплой, и лед начал таять вдоль линии берега. Серая Сова и Анахарео по очереди сидели неподвижно на небольшом расстоянии от прорубей и тихо звали бобров таким голосом, на который в прежнее время всегда получался ответ. В третий теплый вечер, после предварительных долгих осмотров, наконец из-под воды выскочил бобр, испустил долгий низкий зов и с громадным шумом исчез. Его продолжали ждать на берегу с напряжением и легкими позывами. Приблизительно через полчаса бобр появился опять, неуверенно поплавал несколько минут, удостоверился, понял все, узнал и вскарабкался на лед. Это была Джелли Ролл. Хозяйка своей собственной персоной появилась и сразу же начала обычный свой туалет. Тот же голос, та же неуклюжая перевалка, тот же высокомерно-самодовольный вид, с каким она приняла яблоко: потрясла головой и с короткими визгами принялась есть тут же, в непосредственной близости.

Вот это триумф! Ведь почти после шести месяцев отдельного жилья она вернулась к людям, верная, как времена года. Оставался под сомнением теперь только Роухайд, и вот еще через две ночи, при свете молодого месяца, Серая Сова и Анахарео разглядели что-то темное, лежавшее неподвижно на поверхности воды на большом

Королева бобров. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru расстаянии. Джелли суетилась тут же возле ног, а плававший предмет по форме казался бобром. В том, что это бобр, и бобр, который вполне пробудился от зимнего сна, можно было судить по одному тому, что он вдруг мгновенно исчез. В следующую ночь он так приблизился, что взял яблоко и следующий вечер почти весь провел тут же, вместе с Хозяйкой около людей. Но это был уже новый триумф, потому что это был не выросший у людей бобр, как Джелли, а совершенно дикий, и вернулся он почти после полугодичного отсутствия. Атмосфера прояснилась. Можно было не сомневаться в исходе, и Серая Сова телеграфировал в Управление национальными парками о самостоятельном возвращении бобров.

Теперь оставалось только захватить их и, таким образом, подвергнуть ужасным страхам и трудностям путешествия больше чем за тысячу миль, и притом не спугнуть доверия и верности в простой душе животного. Ведь достаточно всего раз или два их обмануть и многолетняя работа вся пропадет, после чего только тончайший такт и дипломатия вернут прежнее, и то лишь в наиболее умных представителях.

Серая Сова пробовал поймать Джелли Ролл, но она стала такой большой и сильной, что поднять ее от земли без борьбы было невозможно; но именно насилия-то и хотелось бы избежать совершенно. Анахарео тоже пробовала и тоже не имела никакого успеха. Таскали за уши, открывали рот, дергали за хвост, опрокидывали на спину, а вот поднять себя она не позволяла. Сделали деревянный ящик, положили набок; крышка лежала горизонтально в сторону озера. Хозяйка вошла в ящик, ничего не подозревая. С виноватым чувством людей, обманывающих друга, хотя бы и для его собственной пользы, Серая Сова и Анахарео захлопнули крышку. Приладив ремни, Серая Сова взял груз на спину и понес. Хозяйка замерла и до самого своего освобождения в хижине молчала. Потом ее немое замешательство сменилось дикими завываниями и потягиванием Серой Совы за платье. Ее ребячья обида была так велика, что утешать ее пришлось совсем как ребенка. Серая Сова взял ее к себе на колени, – а это был уже порядочный бочонок! Она прижалась к нему, и он покачивал ее и уговаривал и уговаривал. Потом понемногу она стала глядеть по сторонам и, разобрав привычную обстановку, постепенно пришла в себя и успокоилась.

Роухайд не хотел входить в ящик, и поймать его было труднее; но с ним Серая Сова бросил всякие церемонии: просто схватил его руками и принес в хижину.

Ночью бобры не делали никаких попыток удрать и позволили поместить себя в проветриваемый оцинкованный ящик, приготовленный специально для них. После этого труднейшего дела все было окончено и оставалось всем вместе двинуться в город.

Квебекское правительство отказалось от всех прав на бобров, и разрешение на перевоз было тут же получено. Индейцы оставляли в городе множество настоящих друзей. От города прощаться пришла депутация – веселые, приветливые французские канадцы.

«В КРАЮ НЕПУГАНЫХ ПТИЦ И ЗВЕРЕЙ»

Вот как описывает Серая Сова жизнь в его бобровом заповеднике:

«Сейчас осень, время урожая, и Королева и маленький отряд озабоченно собирают запасы на долгую зиму, как делают везде полезные члены общества, имеющие чувство ответственности.

Были расчищены места для выхода на берег и протоки воды. В них со странной точностью сваливались деревья с шумом почти каждый час, начиная с четырех часов вечера и до рассвета. Громадные запасы пищи, сваленные в воду перед хижинкой, делались с каждым днем все грузнее, все шире и солиднее. Сверху наваливались тяжелые бревна, чтобы погрузить пищу глубже в воду. Ветки же сваленных деревьев, и особенно лучшие части из них, укладывались ниже линии будущего льда.

Тяжело нагруженные бобры медленно плывут в одиночку, группами или выстроившись в линию, как на параде, с грузами, весело покрытыми ветками с разноцветными листьями, как украшениями, – Пышные Шествия Работников Леса. Иногда я настраиваю радиоприемник, и тогда бобры плавают в своих упорных медленных процессиях под звуки симфонического оркестра. Я хотел бы, чтобы весь мир был здесь и увидел эту картину.

Осенью начали и молодые бобры выполнять полезную работу, но до сих пор, видимо, к ним относятся только немногие из правил поведения взрослых. Они ведут счастливую, беззаботную жизнь игр, борьбы и изучения мира. Они парами и группами

Королева бобров. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru носятся по воде родного пруда. Среди них образуются дружественные группировки, и, отделившись, они зовут друг друга пронзительными криками. Они надоедают старшим на работе, и, хотя это должно очень раздражать, взрослые не проявляют никаких признаков возмущения, и им приходится иметь много хлопот, чтобы нечаянно не ранить молодых. Это кажется трудным делом, потому что молодые постоянно попадают на пути тяжелых бревен или груды веток, заполняют толпой дорогу. Видимо, эти безответственные любимцы находятся под особым покровом счастья и из каждой катастрофы не только выходят невредимыми, но ищут еще и новых развлечений.

Проплывет мимо большой бобр с грузом на буксире – вот и повод, посланный небесами, для суматохи. Точно по уговору, они стремительно налетают на груз, прицепляются к нему, толкают, отрывают куски, влезают на спину нагруженного животного или тщетно стараются вовлечь его в матч борьбы или другой вид водного спорта. Такие развлечения вызваны желанием нарушить монотонность жизни на маленьком пруде, но они доставляют серьезные неприятности взрослым бобрам, хотя те и относятся к ним добродушно. Взрослые, конечно, сопротивляются этим выходкам: не ожидают неподвижно, когда такая банда мародеров рассеется, а ныряют неожиданно вместе с буксиром и плывут под водой, чтобы сбить неприятеля с позиции, но эти военные хитрости редко удаются, – при первом же движении или, наоборот, при появлении из глубины воды эти паразитические маленькие чертенята обрушиваются и преследуют, пока не завладеют грузом.

Описываемое здесь, сопровождаясь разнообразными шумными движениями и соответствующими волнениями, придает веселый и карнавальное дух слишком серьезным работам, требующим значительной затраты энергии и терпения. Однако с течением времени эти корсары прекращают пиратскую деятельность и направляют преизобилующую энергию на более продуктивные дела. Их можно увидеть таскающими собственные маленькие грузы по всем правилам и с большим терпением.

Оживленные драки и борьба, которыми бобрята занимаются друг с другом, часто носят буйный, но безвредный характер. Среди них всегда находится кто-нибудь, считающий себя выше всех по силе, и в один прекрасный день он неминуемо попадает в засаду целой толпы молодцов. Если это случается на берегу, где избежать их трудно, он быстро разочаровывается в своей хвастливой удаче. Не будучи в состоянии выдержать давления, он устремляется к воде и бросается в нее как попало – вперед головой, спиной, боком – и исчезает из виду, как камень. Инцидент быстро забывается – эти маленькие животные ничего не принимают близко к сердцу и низложенного чемпиона по его возвращении больше не тревожат.

Большую часть дня над прудом царствует полная и совершенная тишина. За час до заката из воды появляется первая, затем другая темная голова, несутся громкие крики со всех сторон, и скоро спокойная поверхность воды и пустые берега озера около хижин имеют вид, оживлением напоминающий двор старой кирпичной школы в четыре часа дня.

Казалось бы, что задача опознавания отдельных, да и всех бобров – так они все похожи по внешности – почти неосуществима. Однако это возможно. До двухмесячного возраста они держатся очень близко от дома, и в это время я особенно напряженно занимаюсь приручением. Затем они, развиваясь, получают индивидуальные особенности в голосе и движениях и легкие отличия в форме тела, что, если изучать их усердно, и дает возможность их узнавать. Прежде чем дойти до этого, я насчитывал среди них не менее двадцати бобров, похожих друг на друга, как горошины или комнатные мухи.

Мы обычно даем имя бобрам сейчас же, как только они делаются различными. Так, у нас есть Счастливый и Хулиган, Уэйкини и Уэйкину, Серебряные Пятки и Крупная Дробь, Сахарная Голова и Джелли Ролл Номер Второй, и множество других, и у нас уже истощаются запасы имен. Во всяком случае, они никогда не отвечают на свои имена, но всегда приходят на определенный зов, состоящий из заунывного дрожащего звука, очень приближающегося к их собственному обычному сигналу, но настолько отличный, что они могут узнать, от кого он исходит. Этот крик, протянутый, как „ма-у-и-и-и-и-и“, с колеблющимися модуляциями и повторенный несколько раз, редко не привлекает того или другого из них или хотя бы не вызывает ответного крика. А вскоре он превратился в общее имя для всех, и мы начали всех и каждого звать Ма-Уи. Если мы зовем одного, то приходят все: очень удобная выдумка. Это имя удобно и по другим причинам: оно напоминает по звукам оджибуэйское слово, означающее „кричать“, а этому занятию бобры предаются при всяком удобном случае.

Королева бобров. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru

Но независимость их характера такова, что, раз появившись или ответив на зов, они вновь ответят не ранее чем через несколько часов. Однако по ночам они появляются не менее трех раз, и обязательно при утренней проверке, перед уходом ко сну.

Разрушения продолжают, как и во время оно. Часто, вернувшись в хижину после долгого обхода дозором, я находил следы набегов на мое жилище, и почти неизменно происходили какие-нибудь кражи со взломом. Искусно открывали крышку на котелке и утаскивали всю, до последней, картошку. Однажды картошка была в соусе, руки же бобров для вылавливания не приспособлены, и они нашли простой выход – опрокинули котелок и достигли цели. Иногда очищался ящик для дров или открывался ящик с яблоками. Был утащен в озеро даже стул, но за полной бесполезностью брошен. Тарелки, очевидно, считались трофеем высокой ценности. Не прикрепленные к полу тарелки с рисом немедленно исчезали после съедения риса, и больше мы их не выдвали.

Так пропало их несколько, хотя одна, впрочем, через три месяца была вежливо возвращена и брошена сухой и чистой на берегу около хижины.

Как-то я вернулся после несколько затянувшегося посещения лагеря лесничего и пошел набрать дров позади хижины, где я наколот их для ночи, но все они исчезли. Не было видно также и свежесрубленных палок, приготовленных для поддержания медленного огня. Интерес, вызванный этим, был так велик, что я сразу не заметил еще более серьезных провинностей. Только почувствовав какую-то пустоту вокруг, я обнаружил исчезновение палатки со складом. Исследование показало, что она лежала на земле, а большинство шестов, ее поддерживавших, исчезло. К счастью, в ней ничего не было. Неподвижные козлы для пилки, сделанные из свежего тополя, были срезаны около самой земли, целиком похищены, и я больше их никогда не увидел. Все это, конечно, были труды Королевы, налажавшей подати на свои владения. Во всем этом не было ничего необычного, кроме того, что все случилось, когда я – единственный раз! – позволил себе задержаться вне дома в необычное время.

Я получал массу писем об охране природы и близких мне вопросах. Их у меня было несколько мешков, причем я разделил их по темам. Захотев просмотреть один из мешков еще раз, я принес его в хижину и необдуманно поставил в углу. Занятый вне комнаты, я не обращал внимания на него, пока не собрался посмотреть письма, но мешок с ними исчез! Волнение, происходившее в бобровом доме, о причине которого я спокойно недоумевал, означало, что награбленная добыча была перенесена туда и с драками делилась. Неистовые визги и крики хорошо знакомого голоса известили меня о личности вора, потому что это Джелли Ролл боролась, безнадежно отстаивая свои права. Последовавший гвалт был почти ужасающим, и вся сцена должна была быть до крайности нелепа, потому что Джелли Ролл храбро и тщетно боролась за обладание добычей, состоявшей из нескольких сот писем, объять которые она не могла.

Быть может, она решила, что, будучи уже долгое время звездой экрана, и, несомненно, крупной величины, ей пришло время для поддержания достоинства иметь свою собственную переписку с поклонниками. Во всяком случае, вся эта почта до сих пор осталась без ответа. Авторы писем, даже при самом диком воображении, никогда не могли себе представить, что написанное ими будет использовано для устройства подстилки целой семье бобров. Однако в конце концов они послужили идеям охраны природы, то есть того, что авторы, во всяком случае, и не намеревались делать.

Когда начал замерзать лед, бобры с успехом поддерживали открытую воду на канале, по которому они до последней минуты буксировали нарезанные ветки для пищевых запасов. Вся семья для этого каждый день часами ломала лед, что удавалось им, пожалуй, около недели, но затем водный проток, естественно, замерз. Джелли почти до рождества посещала прорубь, сделанную нами для наших личных нужд, и через нее я давал ей яблоки. Она их уносила через определенные промежутки времени, и после ее возвращения домой следовали звуки спора, сменяющиеся мерным и довольным чавканьем и жеваньем. Как я подозреваю, морозный воздух может вызвать болезнь в легких у животных, привыкших к мягкой погоде и влажной атмосфере бобрового дома. Меня к этой мысли привело то, что в холодную погоду, когда из проруби появлялась Джелли, она никогда не издавала обычных приветствий. Ближайшие же наблюдения показали, что в холодные ночи она задерживала дыхание на воздухе и быстро убегала назад. Теперь я позволяю в проруби образовываться корке льда и подсовываю яблоки под нее, потому что Королеву я больше не вижу, но яблоки

Королева бобров. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
регулярно исчезают.

Полтора года тому назад в быстро растущем королевстве Джелли появилась новая подданная – у нас родилась маленькая дочь. Она и Джелли хорошо проводят время вместе, но мы не пускаем дочь в неподходящие места – из-за обычая Джелли присваивать понравившиеся ей вещи.

Хотя Джелли и тяжелее дочери фунтов на десять, они приблизительно одного роста. Они храбро становятся во весь рост друг против друга и подчас разговаривают. Разговор у них ведется на языке, которого, как мне кажется, еще никогда никто не слышал. Маленькая девочка приходит в восторг, когда эта большая черная меховая игрушка, этот добродушный плюшевый мишка с такими красиво покрашенными зубами[7] берет у нее из рук яблоко. Бобреха берет подношение мягко, без тех безобразничаний, которые она позволяет по отношению к нам, однако никогда так нежно, как Роухайд, скромный, неутомимый, терпеливый Роухайд. Он никогда, видимо, не вспоминает о хромой ноге, такой уродливой рядом с нормальной, и, возможно, забыл, как я чуть не отнял у него жизнь. Теперь все это для него имеет ничтожное значение. У него есть работа, собственные, бескорыстно любимые дети, и он по-своему просто счастлив. Иногда, когда он сидит и смотрит на меня так спокойно, внимательно и непроницаемо, много дал бы я, чтобы узнать, какие мысли таятся за этой бесстрастной маской, за этими серьезными, наблюдающими глазами.

Ибо он – безмолвная власть Бобрового Дома. И если он решит в любой день увести отсюда свой народ, то ничто на земле, кроме заточения и смерти, не сможет его остановить. И мне нужно быть осторожным, чтобы его не обидеть.

Он и Джелли хорошо известны во многих странах, но они мирно спят в невинном неведении своей славы. И когда они там лежат, удовлетворенно похрапывая, я сижу в размышлениях: вспоминает ли Королева о темной хижине на далекой Темискауте, о койке, столе, коврик из оленьей шкуры, на котором около печки она любила спать, и о приветствиях при моем возвращении домой? Не проносятся ли у нее воспоминания о долгих одиноких днях до прихода Роухайда, когда мы были такими друзьями, часто спали вместе, о том, как она любила „помогать“ мне носить воду, захлопывая дверь перед самой физиономией, как мы писали вместе нашу книгу, как она пропала и чуть не умерла и как Анахарео вернулась к нам?

Возможно, что она только смутно припоминает все это, потому что ныне она уже господствует над Роухайдом, и Анахарео, и маленькой Доун[8] и всеми нами – и удовлетворена».

Примечания

1 Лонгфелло Г. (1807–1882) – американский поэт, автор известной поэмы «Песнь о Гайавате».

2 Сервис Р. – англо-канадский поэт.

3 Шотландский танец (Прим. Серой Сова.)

4 Имеется в виду человек, убивший Мак-Джинниса и Мак-Джинти.

5 Бэкон Ф. (1561–1626) – английский философ.

6 Альтернатива – необходимость выбора между двумя возможными решениями, одно из двух.

7 Передние зубы у взрослого бобра темно-оранжевого цвета.

8 Доун значит «Заря». Имя дочери Серой Сова.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://prishvinmihail.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография

Королева бобров. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
<http://dostoevskiyfyodor.ru/>
сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!